

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

Е. А. Королькова, А. А. Королькова

ФИЛОСОФИЯ

Учебно-методическое пособие

УДК 1(091)
ББК 87
К68

Рецензент:

доктор философских наук, профессор, *С. В. Орлов*;
кандидат философских наук, доцент *Г. А. Норкин*

Утверждено

редакционно-издательским советом университета
в качестве учебно-методического пособия

Королькова Е. А., Королькова А. А.

К68 Философия: учеб.-метод. пособие. СПб.: ГУАП, 2017. – 61 с.

Пособие «Философия» составлено с целью помочь студентам заочной формы обучения не только успешно освоить дисциплину «Философия», но и зародить интерес к философскому знанию. Авторы пособия надеются, что тексты Платона, Гегеля, Маркса и Бердяева, представленные в работе, смогут пробудить «бодрствующее сознание» читателей.

Данное пособие содержит разнообразные учебные и методические материалы, способствующие наилучшему закреплению философских знаний. Особую ценность представляют богатый практикум, глоссарий, а также уникальные философско-биографические прологи, воссоздающие живые портреты мыслителей и их эпохи. Наличие вопросов перед каждым философским фрагментом задает вектор студенческому чтению.

УДК 1(091)
ББК 87

- © Королькова Е. А., Королькова А. А., 2017
- © Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебно-методическое пособие «Философия» предназначено для студентов заочной формы обучения, написано в соответствии с программой курса и включает все необходимые материалы для проведения семинарских занятий. Тексты философов, содержащиеся в данной работе, дают обучающимся возможность самостоятельно обдумать авторские идеи и, возможно, даже найти среди предложенных персоналий своего единомышленника.

Вдумчивый анализ первоисточников способствует развитию не только интеллектуальных способностей, но и нравственного сознания читателей. Философия, понятая как целостный духовный акт личности, формирует гармоничного человека и зрелого гражданина, способного к критической оценке действительности.

Структура пособия такова:

1. *Тематический план курса «Философия».*
2. *Материалы четырех семинарских занятий.*
3. *Инструкция по написанию контрольных работ.*
4. *Образец оформления титульного листа.*
5. *Список вопросов к экзамену.*
6. *Практикум.*
7. *Глоссарий.*
8. *Заключение.*
9. *Литература.*

Портретная галерея мыслителей, представленная в разделе семинаров, образована следующим философским квартетом: Платон – Гегель – Маркс – Бердяев. Все эти гении мысли создают духовное пространство «нескучной классики»: нескучной потому, что она присутствует в нашей повседневности, затрагивая фундаментальные вопросы человеческого бытия.

Авторы пособия не претендуют на всеохватывающее изложение историко-философского развития. На наш взгляд, глубокое изучение даже небольших фрагментов Платона, Гегеля, Маркса и Бердяева позволит студентам проникнуть в диалогическую природу философского знания и активизировать свой научный потенциал. Выбор персоналий для философского анализа не случаен: все они по-своему осмысливают проблему свободы и достоинства личности, социальной справедливости и, конечно же, назначения философского знания. Тема «ненужности» философии актуальна и сейчас. Пусть каждый найдет свои ответы на вопросы, поставленные философами еще 25 веков назад и тревожащие наш дух и поныне. Хочется лишь пожелать читателю вступить в дружеский союз с философией:

*Возможно, скажет обыватель:
«Зачем мне Гегель и Платон?
Пусть философ иль мечтатель
Теряет с книгой Маркса сон».*

*Но есть печальнее потери,
Чем сон, привычка и комфорт:
К себе самим захлопнуть двери
И ключ к душе швырнуть за борт.*

*Философы ключи спасают
И открывают ими дом,
Который многие не знают,
Живя в невежестве своем.*

*Читатель, пред Тобой не книга,
А путь к познанию себя.
Так поспеши раскрыть интригу
И к чтенью приступай любя.*

Анна Королькова

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН КУРСА «ФИЛОСОФИЯ»

№	Название тематического раздела	Содержание
11	Философия, ее предмет и место в культуре	Основные проблемы философии и структура философского знания. Специфика философского познания
22	Исторические типы философии. Философские традиции и современные дискуссии	Зарождение философии как особой формы мировоззрения. Ключевые понятия античной философии. Соотношение религии и философии в средневековой философии. Принцип гуманизма в эпоху Возрождения. Основные гносеологические направления в философии Нового времени. Немецкая классическая философия. Марксизм. Неклассическая философия: Шопенгауэр, Ницше, экзистенциализм. Традиции отечественной философской школы. Русская идея. Философия XXI века. Глобальные проблемы современности
33	Философская онтология	Бытие и сознание: философский анализ. Монистические и плюралистические концепции бытия. Специфика человеческого бытия
44	Теория познания	Субъект и объект познания. Основные формы и методы познания. Чувственное и логическое познание. Проблема истины в философии и науке. Познание и практика
55	Философия и методология науки	Диалог философии и науки. Структура научного знания. Основные парадигмы в философии науки
66	Социальная философия и философия истории	Философский анализ социума и законов исторического развития. Плюрализм концепций, интерпретирующих общественную реальность
77	Философская антропология	Специфика человеческого бытия: опыт философской рефлексии. Образы человека в истории философии. Судьба человека в современном мире. Проблема поиска новой антропологической модели в XXI веке

Семинар № 1. АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ. СПОР СОФИСТОВ И ФИЛОСОФОВ ОБ ИСТИНЕ

Задачи семинара:

- 1) познакомить студентов с философским наследием античной эпохи, сконцентрировав внимание на двух периодах: софистическом и классическом;
- 2) раскрыть антагонизм философов и софистов в вопросе об относительности истины и средствах воздействия на души людей;
- 3) взяв за основу диалог Платона «Горгий», обсудить цели философского исследования, соотношение риторики и этики, а также роль удовольствий в жизни человека.

Философский пролог

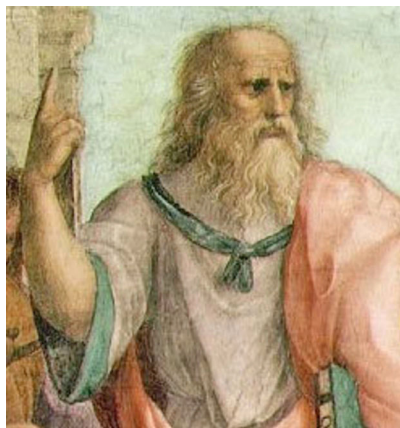
Горгий из сицилийского города Леонтины (480–380 гг. до н.э.) – выдающийся античный ритор, представитель старшего поколения софистов. Перу Горгия принадлежат такие сочинения, как «Похвала Елене», «Оправдание Паламеда», а также произведение с классическим для периода античности названием «О природе». Подобно всем софистам, Горгий не признавал наличие абсолютной истины, утверждая, что каждый тезис можно как доказать, так и опровергнуть. Разрушая традиционные устои общества и каноны мышления, античный ритор завоевывал не только внимание аудитории, но и получал власть над ней. Благодаря особой поэтичности языка и умению опутать собеседника «горгианскими фигурами» уроженцу города Леонтины удалось возглавить Леонийское посольство в Афинах и уговорить афинян представить военную помощь.

Софисты первыми осознали, насколько мощным оружием является слово и стали преподавать искусство красноречия богатым юношам Эллады. Впервые в истории Греции знание стало товаром, причем настолько дорогим, что позволить его могли лишь самые обеспеченные слои греческого общества. В противовес софистам, афинский философ Сократ (468–399 гг. до н.э.) отстаивал существование абсолютной истины и всю свою жизнь посвятил поиску универсального камертона человеческой жизни. Не уступая Горгию в риторическом мастерстве, Сократ свободно и бескорыстно беседовал как с богатыми, так и с бедными, пожилыми и юными, ремесленниками и политиками, доискиваясь до глубинных основ вещей. Сократ любил начинать свои диалоги с «простых» вопросов о сущности красоты, добра, справедливости, подталкивая людей к активному переосмыслению повседневного опыта. В отличие от софистов,

афинский мудрец утверждал нравственную ценность философии, дающую человеку мужество и жить, и умереть достойно.

Обвиненный в непочитании богов и формировании инакомыслия у молодежи, Сократ был казнен в 399 г. до н.э. Став жертвой клеветы и социальной несправедливости, мыслитель стойко встретил смертный приговор и отказался от предложений своих друзей бежать из тюрьмы. Философ нашел в себе силы не только выпить яд, мужественно перенося физические страдания, но и утешать своих учеников верой в бессмертную жизнь. Красиво и достойно умирал этот человек, вдохновленный идеей о том, что терпеть несправедливость неизмеримо лучше, чем ее творить. Именно эта мысль Сократа стала лейтмотивом диалога Платона «Горгий», фрагмент из которого приводится в данном пособии.

Сам Сократ не оставил письменного наследия, однако его любимый ученик Платон (428–347 гг. до н.э.) сумел сохранить речи учителя и увековечить подвиг своего духовного наставника. Аристокл (таково настоящее имя Платона) подарил вечную жизнь Сократу, сделав афинского мудреца главным героем всех своих философских диалогов. Благодаря редчайшему литературному таланту Платону удалось воссоздать живой образ учителя, который неизменно одерживает победу в интеллектуальных поединках со своими современниками. Дуэли мысли, запечатленные Платоном, носят поистине драматический характер. Так, диалог Платона «Горгий», по меткому определению Йегера, представляет собой философскую драму в трех действиях. В этом сочинении Платон раскрывает отличия философии от софистики и риторики в форме диалектического состязания между Сократом и тремя софистами: Горгием, Полом и Калликлом. В образ Калликла Платон вложил и собственные черты, а именно, честолюбивую жажду власти, поэтому беседу Сократа с Калликлом можно считать кульминацией всего диалога. Читателю предлагается самостоятельно оценить аргументацию философа и актуальность философских идей для современности, не чуждой выбора между сиюминутными удовольствиями и вечными ценностями.

Вопросы к фрагменту из диалога Платона «Горгий»

1. В чем состоит главный предмет философских исследований, по убеждению Сократа?
2. Какое определение справедливости составляет основу жизненной позиции Калликла?
3. Что, на ваш взгляд, является критерием сильной личности?
4. Должен ли правитель уметь властвовать над самим собой?
5. Какие аргументы использует Калликл с целью опровергнуть ценность самообладания и умеренности?
6. Согласны ли вы с тем, что способность давать волю любым своим желаниям составляет сущность свободы?
7. Кто из собеседников разделяет принципы гедонизма?
8. По мысли Калликла, раб не может быть счастлив, однако человек, разделяющий принципы Калликла, тоже является рабом. О каком рабстве умалчивает визави Сократа?
9. С чем Калликл сравнивает жизнь, лишённую чувственных удовольствий?
10. Воспроизведите триаду, заключающую в себе и добродетель, и счастье, по мнению Калликла.
11. Какой миф использует Сократ, предостерегая человека от ненасытной погони за удовольствиями?
12. Почему человек, стремящийся стать счастливым, должен приучать себя к воздержности?

Фрагмент из диалога Платона «Горгий»

«Сократ. <...> Ты поставил мне в укор, Калликл, предмет моих разысканий, но допытываться, каким должен быть человек, и каким делом должно ему заниматься, и до каких пределов в старости и в молодые годы, – не самое ли это прекрасное из разысканий? А если и в моем образе жизни не все верно, то, можешь не сомневаться, я заблуждаюсь не умышленно, но лишь по неведению. И раз уже ты взялся меня вразумлять, не отступайся, но как следует объясни мне, что это за занятие, которому я должен себя посвятить, и как мне им овладеть, и если нынче я с тобою соглашусь, а после ты уличишь меня в том, что я поступаю вопреки нашему с тобою уговору, считай меня полным тупицею и впредь уж никогда больше меня не вразумляй, раз я человек ничтожный.

Но повтори мне, пожалуйста, еще раз. Как вы с Пиндаром понимаете природную справедливость? Это когда сильный грабит имущество слабого, лучший властвует над худшим и могущественный

стоит выше немощного? Верно я запомнил, или же ты толкуешь справедливость как-нибудь по-иному?

Калликл. Нет, именно так я говорил прежде, так говорю и теперь.

Сократ. Но как ты полагаешь, «лучший» и «сильный» – это одно и то же? Видишь ли, я не сумел сразу уловить, что́ ты имеешь в виду: зовешь ли ты сильными более могущественных и должны ли слабые повиноваться сильным (мне кажется, ты как раз на это намекал, когда говорил, что большие города нападают на малые в согласии с природною справедливостью, ибо они сильнее и могущественнее, точно желал сказать, что сильное, могущественное и лучшее – это одно и то же), или же возможно быть лучшим, но слабым и немощным и, наоборот, сильным, но скверным? Или слова «лучший» и «сильный» имеют одинаковое значение? Вот это ты мне ясно определи: одно и то же сильное, лучшее и могущественное или не одно и то же?

Калликл. Говорю тебе совершенно ясно: одно и то же.

Сократ. Так, а большинство по природе сильнее одного? То самое большинство, которое издает законы против одного, как ты только что говорил.

Калликл. Да, конечно.

Сократ. Значит, установления большинства – это установления сильных.

Калликл. Истинная правда.

Сократ. Но стало быть, и лучших? Ведь сильные, по твоему разумению, – это лучшие, не так ли?

Калликл. Да.

Сократ. Стало быть, их установления прекрасны по природе, раз это установления сильных?

Калликл. Да.

Сократ. А разве большинство не держится того мнения (как ты сам недавно говорил), что справедливость – это равенство и что постыднее творить несправедливость, чем терпеть ее? Так или нет? Только будь осторожен, чтобы и тебе не попасться в силки стыдливости! Считает или не считает большинство, что справедливость – это равенство, а не превосходство и что постыднее творить несправедливость, чем ее терпеть? Прошу тебя, Калликл, не оставляй мой вопрос без ответа, потому что, если ты со мною согласишься, я впредь буду чувствовать себя уверенно, получив поддержку человека, способного распознать истину.

Калликл. Да, большинство так считает.

Сократ. Значит, не только по обычаю и закону творить несправедливость постыднее, чем терпеть, и справедливость – это соблюдение равенства, но и по природе тоже. Выходит, пожалуй, что раньше ты говорил неверно и обвинял меня незаслуженно, утверждая, будто обычай противоположен природе и будто я хорошо это знаю и коварно использую, играя словами: если собеседник рассуждает в согласии с природой, я, дескать, все свожу на обычай, а если в согласии с обычаем – то на природу.

Калликл. Никогда этому человеку не развязаться с пустословием! Скажи мне, Сократ, неужели не стыдно тебе в твои годы гоняться за словами и, если кто запутается в речи, полагать это счастливою находкой? Неужели ты действительно думаешь, что я делаю хоть какое-то различие между сильными и лучшими? Разве я тебе уже давно не сказал, что лучшее для меня – то же самое, что сильное? Или ты воображаешь, что, когда соберутся рабы и всякий прочий сброд, не годный ни на что, кроме как разве напрягать мышцы, – соберутся и что-то там изрекут, – это будет законным установлением?

Сократ. Прекрасно, премудрый мой Калликл! Это твое мнение?

Калликл. Да, это, и никакое иное!

Сократ. Но я, мой милый, и сам уже давно догадываюсь, что примерно ты понимаешь под словом «сильный», и если задаю вопрос за вопросом, так только потому, что очень хочу узнать это точно. Ведь, конечно же, ты не считаешь, что двое лучше одного или что твои рабы лучше тебя по той причине, что крепче телом. Давай начнем сначала и скажи мне, что такое лучшие, по-твоему, раз это не то же, что более крепкие? И пожалуйста, чудак ты этакий, наставляй меня помягче, а не то как бы я от тебя не сбежал.

Калликл. Насмехаешься, Сократ?

Сократ. Нисколько, Калликл, клянусь Зетом, с помощью которого ты только что вдоволь насмеялся надо мною. Итак, скажи, кого все-таки ты называешь лучшими?

Калликл. Я лучшими называю самых достойных.

Сократ. Теперь ты видишь, что сам играешь словами, а толком ничего не объясняешь? Не скажешь ли, под лучшими и сильными ты понимаешь самых разумных или кого-нибудь еще?

Калликл. Да, клянусь Зевсом, разумных, совершенно верно!

Сократ. Значит, по твоему разумению, нередко один разумный сильнее многих тысяч безрассудных, и ему надлежит править, а им повиноваться, и властитель должен стоять выше своих подвластных. Вот что, мне кажется, ты имеешь в виду, – заметь, я не придираюсь к словам! – если один сильнее многих тысяч.

Калликл. Да, именно это самое! Это я и считаю справедливым по природе – когда лучший и наиболее разумный властвует и возвышается над худшими. <...>

Сократ. <...> Каким преимуществом должен по справедливости обладать наиболее сильный и разумный? Или же ты и мне не дашь высказаться, и сам ничего не скажешь?

Калликл. Да я только и делаю, что говорю! И прежде всего, когда я говорю о сильных, я имею в виду не сапожников и не поваров, а тех, кто разумен в государственных делах – знает, как управлять городом, – и не только разумен, но и мужествен: что задумает, способен исполнить и не останавливается на полпути из-за душевной расслабленности.

Сократ. Вот видишь, дорогой Калликл, как несхожи наши с тобою взаимные обвинения? Ты коришь меня, что я постоянно твержу одно и то же, а я тебя – наоборот, что ты никогда не говоришь об одном и том же одинаково, но сперва определяешь лучших и сильных как самых крепких, после – как самых разумных, а теперь предлагаешь еще третье определение: оказывается, что сильные и лучшие – это какие-то самые мужественные. Но, милый мой, давай покончим с этим, скажи твердо, кого ты называешь лучшими и сильными и в чем они лучше и сильнее остальных?

Калликл. Но я уже сказал – разумных в делах государства и мужественных. Им-то и должна принадлежать власть в городе, и справедливость требует, чтобы они возвышались над остальными – властители над подвластными.

Сократ. А сами над собою, друг, будут они властителями или подвластными?

Калликл. О чем ты говоришь?

Сократ. О том, насколько каждый из них будет властвовать над самим собою. Или же этого не нужно вовсе – властвовать над собою, нужно только над другими?

Калликл. Как же ты ее понимаешь, власть над собой?

Сократ. Очень просто, как многие: это воздержность, умение владеть собою, быть хозяином своих наслаждений и желаний.

Калликл. Ах ты, простак! Да ведь ты зовешь воздержными глупцов!

Сократ. Как это? Всякий признает, что глупцы тут ни при чем.

Калликл. Еще как при чем, Сократ! Может ли в самом деле быть счастлив человек, если он раб и кому-то повинуется? Нет! Что такое прекрасное и справедливое по природе, я скажу тебе сейчас со всей откровенностью: кто хочет прожить жизнь правильно, должен да-

вать полнейшую волю своим желаниям, а не подавлять их, и как бы ни были они необузданны, должен найти в себе способность им служить (вот на что ему и мужество, и разум!), должен исполнять любое свое желание.

Но конечно, большинству это недоступно, и потому толпа, стыдясь своей немощи и скрывая ее, поносит таких людей, стыдясь, скрывая свою немощь, и объявляет своеволие позором и, как я уже говорил раньше, старается поработить лучших по природе; бессильная утолить собственную жажду наслаждений, она восхваляет воздержность и справедливость – потому, что не знает мужества. Но если кому выпало родиться сыном царя или с самого начала получить от природы достаточно силы, чтобы достигнуть власти – тирании или другого какого-нибудь вида господства, что поистине может быть для такого человека постыднее и хуже, чем воздержность? Он может невозбранно и беспрепятственно наслаждаться всеми благами, а между тем сам ставит над собою владыку – законы, решения и поношения толпы! И как не сделаться ему несчастным по милости этого «блага» – справедливости и воздержности, если он, властвуя в своем городе, не может оделять друзей щедрее, чем врагов?

Ты уверяешь, Сократ, что ищешь истину, – так вот тебе истина: роскошь, своеволие, свобода – в них и добродетель, и счастье (разумеется, если обстоятельства благоприятствуют), а все прочее, все ваши красные слова и противные природе условности, – ничемный вздор.

Сократ. Да, Калликл, ты нападаешь и отважно, и откровенно. То, что ты теперь высказываешь напрямик, думают и другие, но только держат про себя. И я прошу тебя – ни в коем случае не отступайся, чтобы действительно, по-настоящему выяснилось, как нужно жить. Скажи мне: ты утверждаешь, что желания нельзя подавлять, если человек хочет быть таким, каким должен быть, что надо давать им полную волю и всячески, всеми средствами им угождать и что это как раз и есть добродетель?

Калликл. Да, утверждаю.

Сократ. Значит, тех, кто ни в чем не испытывает нужды, неправильно называют счастливыми?

Калликл. В таком случае самыми счастливыми были бы камни и мертвецы.

Сократ. Да, но и та жизнь, о которой ты говоришь, совсем не хороша...Некий хитроумный слагатель притч, вероятно сицилиец или италик, эту часть души, в своей доверчивости очень уж неразбор-

чивую, играя созвучиями, назвал пустой бочкой, а людей, не просвещенных разумом, – непосвященными, а про ту часть души этих непосвященных, в которой живут желания, сказал, что она – дырявая бочка, намекая на ее разнузданность и ненадежность, а стало быть, и ненасытную алчность. В противоположность тебе, Калликл, он доказывает, что меж обитателями Аида – он имеет в виду незримый мир – самые несчастные они, непосвященные, и что они таскают в дырявую бочку воду другим дырявым сосудом – решетом. Под решетом он понимает душу (так объяснял мне тот мудрец); душу тех, кто не просвещен разумом, он сравнил с решетом потому, что она дырява – не способна ничего удержать по неверности своей и забывчивости.

Вообще говоря, все это звучит несколько необычно, но дает понять, о чем я толкую, надеясь по мере моих сил переубедить тебя, чтобы жизни ненасытной и невоздержной ты предпочел скромную, всегда довольствующуюся тем, что есть, и ничего не требующую.

Ну, как, убедил я тебя хоть немного, склоняешься ты к мысли, что скромные счастливее разнузданных? Или же тебя и тысячею таких притч несколько не поколеблешь?

Калликл. Вот это вернее, Сократ.

Сократ. Тогда приведу тебе другое сравнение, хотя и того же толка. Погляди, не сходны ли, на твой взгляд, два эти образа жизни, воздержный и разнузданный, с двумя людьми, у каждого из которых помногу сосудов, и у одного сосуды крепкие и полные – какой вином, какой медом, какой молоком и так дальше, – а сами жидкости редкие, дорогие, и раздобыть их стоит многих и тяжелых трудов. Допустим, что этот человек уже наполнил свои сосуды, теперь ему незачем ни доливать их, ни вообще как-то о них тревожиться: никаких беспокойств они впредь не доставят. Другой, как и первый, тоже может раздобыть эти жидкости, хотя и с трудом, но сосуды у него дырявые и гнилые, так что он вынужден беспрерывно, днем и ночью, их наполнять, а если перестает, то терпит самые жестокие муки. Вот они каковы, два эти образа жизни. Будешь ли ты и дальше утверждать, что жизнь невоздержного человека счастливее жизни скромного? Убеждает тебя сколько-нибудь мое сравнение, что скромная жизнь лучше невоздержной, или не убеждает?

Калликл. Не убеждает, Сократ. Тому, кто уже наполнил свои сосуды, не остается на свете никакой радости, это как раз тот случай, о котором я недавно говорил, – каменная получается жизнь, раз сосуды полны, и уж ничему не радуешься и ничем не мучишься. Нет, в том лишь и состоит радость жизни, чтобы подливать еще и еще!

Сократ. Но чтобы все время подливать, надо, чтоб и утекало без перерыва, и, стало быть, дыры должны быть побольше?

Калликл. Конечно.

Сократ. Стало быть, то, о чем ты говоришь, – это жизнь не трупа и не камня, а птички-ржанки. <...> А всякому ли человеку по силам выбрать, какие из удовольствий хороши и какие плохи, или тут потребен в каждом случае человек опытный?

Калликл. Без этого не обойтись. <...>

Сократ. Вот и утолять свои желания врачи разрешают, как правило, только здоровому: есть вволю, когда проголодаешься, или пить, когда почувствуешь жажду, а больному, как говорится, на всякое хотение необходимо терпение. Согласен ты со мной?

Калликл. Да.

Сократ. А для души, мой любезнейший, не то же ли самое правило? Пока она испорчена – неразумна, необузданна, несправедлива, нечестива, – нужно удерживать ее от желаний и не разрешать ничего, кроме того, что сделает ее лучше. Да или нет?

Калликл. Да.

Сократ. Потому что так будет лучше для нее самой?

Калликл. Конечно.

Сократ. А удерживать от того, что она желает, не значит ли обзывать ее и карать?

Калликл. Да, значит.

Сократ. Стало быть, обуздание для души лучше необузданности – вопреки тому, что ты недавно утверждал?

Калликл. Я тебя не понимаю, Сократ. Спроси кого-нибудь другого. <...>

Сократ. Тогда слушай, я повторю с начала. Удовольствие и благо – одно и то же? – Нет, не одно и то же, как мы согласились с Калликлом. – Надо ли стремиться к удовольствию ради блага или к благу ради удовольствия? – К удовольствию ради блага. – Удовольствие – это то, что, появляясь, дает нам радость, а благо – то, что своим присутствием делает нас хорошими? – Совершенно верно. – Но хорошими становимся и мы, и все прочее, что бывает хорошим, через появление некоего достоинства? – По-моему, это непременно условие, Калликл. – Но достоинство каждой вещи, будь то утварь, тело, душа или любое живое существо – возникает во всей своей красе не случайно, но через слаженность, через искусство, которое к ней приложено. Не так ли? – По-моему, так. – Значит, достоинство каждой вещи – это слаженность и упорядоченность? – Я бы сказал, что да. – Значит, это какой-то порядок, присутствий каждой вещи и для каждой вещи

особый, делает каждую вещь хорошей? – Думаю, что так. – Значит, и душа, в которой есть порядок, лучше беспорядочной? – Непременно. – Но душа, в которой есть порядок, – это умеренная душа? – Иначе быть не может. – А умеренная – это воздержная? – Несомненно. – Значит, воздержную душу надо считать хорошей. Я ничего иного прибавить не могу, друг Калликл. Ты же, если можешь, прибавь.

Калликл. Говори дальше, мой любезный.

Сократ. Вот я и говорю, что если воздержная душа – это хорошая, тогда та, что наделена противоположным свойством, будет дурной. Я говорю о душе неразумной и невоздержной. – Совершенно верно. – А воздержный человек будет обходиться как должно и с богами, и с людьми: ведь, поступая не так, как должно, он окажется уже невоздержным. – Да, непременно так. – Но, конечно, обходиться, как должно, с людьми – значит соблюдать справедливость, а с богами – благочестие. А кто соблюдает справедливость и благочестие, тот непременно справедлив и благочестив. – Да. – И непременно мужествен вдобавок. Воздержный человек не станет ни гнаться за тем, что не должно, ни уклоняться от того, что должно, наоборот, и что-то преследуя, и от чего-то уклоняясь, он исполнит свой долг – коснется ли дело людей или вещей, удовольствий или огорчений, – а если долг велит терпеть, будет стойко терпеть. Стало быть, Калликл, воздержный человек – справедливый, мужественный и благочестивый, как мы с тобою выяснили, – непременно будет безупречно хорошим, а хороший всегда поступает хорошо и достойно, и, поступая так, он блажен и счастлив, меж тем как дурной, поступая скверно, несчастлив. Он-то и составит противоположность воздержному, – тот самый разнузданный, которого ты восхвалял.

Вот как я полагаю, и, по-моему, это верно. А если верно, тогда тот, кто желает быть счастливым, пусть приучает себя к воздержности, пусть стремится к ней, а от разнузданности каждому из нас надо бежать со всех ног...

Такою мне представляется цель, которую надо видеть перед собой в течение жизни, и ради нее не щадить сил – ни своих, ни своего города, – чтобы справедливость и воздержность стали спутницами каждого, кто ищет счастья; да, так надо поступать, а не давать волю необузданным желаниям, не торопиться их утолять, потому что это нескончаемое зло, это значит вести жизнь разбойника. Подобный человек не может быть мил ни другим людям, ни богу, потому что он не способен к общению, а если нет общения, нет и дружбы...»¹.

¹ Платон. Горгий / Платон // Собр.соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 527–552.

Семинар № 2. НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ ГЕГЕЛЯ

Задачи семинара:

1) обозначить центральные вопросы, инициировавшие развитие немецкой классической философии: построение системы научного знания, исследование априорных принципов разума, поиск метафизических оснований свободы и морали;

2) познакомить студентов с философской системой Гегеля, уделив особое внимание диалектическому методу, лежащему в основе гегелевского мышления;

3) проследить, как немецкий философ в своей работе «Философия истории» применяет принцип разума и диалектический метод к объяснению социальных и исторических процессов.

Философский пролог

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831) – представитель немецкой классической философии, снискавший еще при жизни славу первого мыслителя эпохи. Согласно Владимиру Соловьеву, Гегель может быть назван философом по преимуществу, так как

из всей плеяды мыслителей «только для него одного философия была все». Действительно ли опыт философской рефлексии определил не только профессиональный выбор Гегеля, но и всю судьбу мыслителя? Насколько верны слова русского ученого о всеобъемлющей роли философии в жизни и творчестве немецкого гения? Для ответа на эти вопросы обратимся к биографии немецкого классика.

Гегель родился в Штутгарте в семье немецкого бюргера, секретаря казначейства. Уже в детстве сын Георга Людвига Гегеля обнаружил редкую любовь к чтению, расходуя все карманные деньги на приобретение новых книг. Несмотря на большой объем прочитанной литературы, хаоса не было ни в голове, ни в комнате молодого Вильгельма. Страсть к порядку во всем Гегель унаследовал от своего отца и даже выработал свой особый стиль работы с текстами: выписки из различных книг были снабжены специальными этикетками и уложены по отдельным папкам. По окончании

Бюртембергской гимназии Гегель был удостоен герцогской стипендии и права обучаться в Тюбингенском университете. Став студентом богословского отделения одного из старейших университетов Германии, Гегель продолжил увлеченно изучать богатое литературное наследие, однако проявлял совершенное равнодушие к верховой езде и фехтованию, заслужив у сокурсников прозвище «старик». Тем не менее, этот «юный старик», всегда сохранявший самообладание, со всеми поддерживал хорошие отношения и слыл надежным товарищем. Будущий создатель сложнейшей системы абсолютного идеализма мог оценить не только красоту античного слога, но и обаяние Августы Гегельмейер, дочери профессора теологии. История сохранила следующие поэтические строки, написанные Гегелем своему другу в альбом:

*Счастлив тот, кому в пути
Друга удалось найти,
Но тройне лишь тот счастливый,
Кто целует губы милой.*

«Тройное счастье», о котором шутливо упоминает автор четверостишья, придет к философу гораздо позднее: в возрасте 41 года Георг Вильгельм Фридрих свяжет себя узами брака с Марией фон Тухер и станет отцом двоих сыновей. А пока Гегель получает выпускное свидетельство об окончании университета, в котором среди прочих отметок значится: «Philosophie nullam operam impendit» («В философии никаких стараний не проявил»). Любопытно, что на полях аттестата внесено исправление: слово «nullam» зачеркнуто и заменено на «multam» («много»). Арсений Гулыга, автор замечательной биографии Гегеля, не без иронии прокомментировал эту корректуру: «То ли экзаменаторы своевременно спохватились, то ли кто-то позднее решил спасти честь Тюбингенского университета, не разгадавшего в своем воспитаннике великого мыслителя»¹.

Так или иначе, «осенняя натура» Гегеля требовала длительного времени для своего раскрытия как в личной жизни, так и в творчестве. Подобно Абсолютной идее, развитие которой составляет сердцевину философского учения немецкого классика, личность Гегеля тоже проходила сложные этапы духовного становления. В итоге появилась фундаментальная трилогия «Энциклопедия философских наук», включающая в себя логику, философию природы и философию духа. Следует отметить, что вся система Гегеля строится из триад, в соответствии с диалектическим принципом: тезис – анти-тезис – синтез. Не случайно философ называет треугольник зако-

¹ Гулыга, А. В. Гегель / А. В. Гулыга – М.: «Молодая гвардия», 1970. – С. 18.

ном ума, имея в виду троичную структуру силлогизма. Владеющий диалектическим методом, по словам Пиамы Гайденко, подобен алхимику, открывшему философский камень. Надеемся, что читатель сумеет найти свой ключ к пониманию гегелевской философии и ощутить себя причастным этой магической истине.

Вопросы к работе Гегеля «Философия истории»

1. Каким принципом разума руководствуется Гегель в исследовании всемирной истории?
2. Разделяете ли Вы следующий тезис Гегеля: «кто разумно смотрит на мир, на того и мир смотрит разумно»? Насколько идея о разумном ходе истории близка мироощущению современного человека?
3. Что является, согласно Гегелю, творческой субстанцией истории народов?
4. В чем заключается сущность духа?
5. Перечислите, какие народы оказали влияние на ход всемирной истории.
6. Покажите различие в понимании идеи свободы у разных народов.
7. В чем состоит прогресс всемирной истории?
8. Какими средствами дух достигает своей цели?
9. Перечислите основные мотивы поступков людей.
10. Найдите в тексте определение страсти.
11. Какая личность может быть названа всемирно-исторической личностью?
12. В чем заключается хитрость разума?
13. Как Гегель оправдывает жертвы людей в истории их народа?
14. Найдите в тексте слова, которыми философ характеризует роль государства в истории.
15. Какую волю Гегель называет свободной?
16. Покажите диалектической единство свободы и необходимости.
17. В чем состоит превратное понимание свободы?

Фрагмент из работы Гегеля «Философия истории»

«ВВЕДЕНИЕ

Милостивые государи.

Темой этих лекций является философская всемирная история, т. е. не общие размышления о всемирной истории, которые мы вывели бы из нее и желали бы пояснить, приводя примеры, взятые из ее содержания, а сама всемирная история...

<...> Но единственной мыслью, которую привносит с собой философия, является та простая мысль разума, что разум господствует в мире, так что следовательно и всемирно-исторический процесс совершался разумно...

<...> Ведь если к рассмотрению всемирной истории не приступают с уже определившейся мыслью, с познанием разума, то следует по крайней мере твердо и непоколебимо верить, что во всемирной истории есть разум и что мир разумности и самосознательной воли не предоставлен случаю, но должен обнаружиться при свете знающей себя идеи...Итак, лишь из рассмотрения самой всемирной истории должно выясниться, что ее ход был разумен, что она являлась разумным, необходимым обнаружением мирового духа, – того духа, природа которого, правда, всегда одна и та же, но который проявляет эту свою единую природу в мировом наличном бытии. Как уже было сказано, таков должен быть результат истории. Но здесь мы должны рассматривать историю в том виде, как она существует: мы должны производить наше исследование исторически, эмпирически; между прочим мы не должны дать обмануть себя историкам-специалистам, потому что они, особенно пользующиеся значительным авторитетом немецкие историки, делают то, в чем они упрекают философов, а именно – допускают априорные вымыслы в истории. Например очень распространен вымысел, будто существовал первый и древнейший народ, которому сам бог дал совершенное понимание и мудрость, полное знание всех законов природы и духовной истины...Даже обыкновенный заурядный историк, который, может быть, думает и утверждает, что он пассивно воспринимает и доверяется лишь данному, и тот не является пассивным в своем мышлении, а привносит свои категории и рассматривает при их посредстве данное; в особенности разум должен не бездействовать, а размышлять, когда дело идет о всем том, что должно быть научным; кто разумно смотрит на мир, на *того* и мир смотрит разумно; то и другое взаимно обуславливают друг друга...

<...>Прежде всего мы должны обратить внимание на то обстоятельство, что интересующий нас предмет – *всемирная история*, – совершается в духовной сфере. Мир обнимает собою физическую и психическую природу; физическая природа также играет некоторую роль во всемирной истории, и мы уже в самом начале обратим внимание на эти основные соотношения природных определений. Но субстанциальным является дух и ход его развития. Здесь мы должны рассматривать природу не в том отношении, как она сама по себе также является системой разума в особом, своеобразном элементе, но лишь по отношению к духу...

а) Природу духа можно выяснить путем его сопоставления с его полной противоположностью. Как субстанцией материи является тяжесть, так, мы должны сказать, субстанцией, сущностью духа, является свобода... Восточные народы еще не знают, что дух или человек как таковой в себе свободен; так как они не знают этого, то они не свободны; они знают только, что *один* свободен, но именно поэтому такая свобода оказывается лишь произволом, дикостью, тупостью страсти, обуздыванием страсти, или же нежностью, которая сама оказывается лишь случайностью природы или произволом. Следовательно, этот один оказывается лишь деспотом, а не свободным человеком. Лишь у греков появилось сознание свободы, и поэтому они были свободны, но они, как и римляне, знали только, что некоторые свободны, а не человек как таковой; этого не знали даже Платон и Аристотель. Поэтому у греков не только были рабы, с которыми были связаны их жизнь и существование их прекрасной свободы, но и сама эта свобода отчасти являлась лишь случайным, недолговечным и ограниченным цветком, отчасти она вместе с тем была тяжким порабощением человеческого, гуманного начала. Лишь германские народы дошли в христианстве до сознания, что человек как таковой свободен, что свобода духа составляет самое основное свойство его природы; это сознание сперва появилось в религии, в сокровеннейшей сфере духа, но проведение этого принципа в мирских делах являлось дальнейшей задачей, разрешение и выполнение которой потребовали тяжелой продолжительной культурной работы. Например, рабство не прекратилось непосредственно по принятии христианской религии, в государствах не сразу стала господствовать свобода; правительство и государственное устройство не сразу организовались разумно, не сразу начали основываться на принципе свободы. Это применение принципа свободы к мирским делам, это внедрение и проникновение принципа свободы в мирские отношения является длительным процессом, который составляет самую историю. Я уже обращал внимание на это отличие принципа как такового от его применения, т. е. его проведения и осуществления в действительности духа и жизни; это различие является основным определением в нашей науке, и его следует постоянно иметь в виду. Это различие, на которое я здесь предварительно указал по отношению к христианскому принципу самосознания, свободы, имеет существенное значение и по отношению к принципу свободы вообще. Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, – прогресс, который мы должны познать в его необходимости.

Из того, что было сказано в общей форме о различии знания о свободе, а именно, что восточные народы знали только, что *один*

свободен, а греческий и римский мир знал, что *некоторые* свободны, мы же знаем, что свободны все люди в себе, т. е. человек свободен как человек, – вытекает как деление всемирной истории, так и то, каким образом мы будем рассматривать ее...

Итак, определением духовного мира и *конечную целью мира* было признано сознание духом его свободы, а следовательно была признана и действительность его свободы – так как духовный мир есть субстанциальный мир, физический же мир подчинен ему, или, выражая эту мысль в терминах умозрительной философии, оказывается не истинным в противоположность духовному миру... Эта конечная цель есть то, к чему направлялась работа, совершавшаяся во всемирной истории; ради нее приносились в течение долгого времени всевозможные жертвы на обширном алтаре земли. Одна лишь эта конечная цель осуществляет себя, лишь она остается постоянно при изменении всех событий и состояний, и она же является в них истинно деятельным началом... Теперь можно, следовательно, непосредственно поставить вопрос: какими средствами пользуется она для своего осуществления? Это и есть второй пункт, который здесь следует рассмотреть.

б) Постановка этого вопроса о *средствах*, благодаря которым свобода осуществляет себя в мире, приводит нас к самому историческому явлению. Если свобода как таковая прежде всего есть внутреннее понятие, то средства, наоборот, оказываются чем-то внешним, тем, что является, что непосредственно бросается в глаза и обнаруживается в истории. Ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, что действия людей вытекают из их потребностей, их страстей, их интересов, их характеров и способностей и притом таким образом, что побудительными мотивами в этой драме являются лишь эти потребности, страсти, интересы и лишь они играют главную роль. Конечно, там можно найти и общие цели, желание добра, благородную любовь к отечеству; но эти добродетели и это всеобщее играют ничтожную роль в отношении к миру и к тому, что в нем творится. Конечно, мы можем найти в самих этих субъектах и в сферах их деятельности осуществление определений разума, но число их ничтожно по сравнению с массой рода человеческого, да и добродетели их сравнительно не очень распространены. Наоборот, страсти, своекорыстные цели, удовлетворение эгоизма имеют наибольшую силу; сила их заключается в том, что они не признают никаких пределов, которые право и моральность стремятся установить для них, и в том, что эти силы природы непосредственно ближе к человеку, чем искусственное и продолжительное воспитание, бла-

годаря которому человек приучается к порядку и к умеренности, к соблюдению права и к моральности. Когда мы наблюдаем эту игру страстей и видим последствия их неистовства, неблагоприятия, примешивающегося не только к ним, но и главным образом даже к благим намерениям, к правильным целям; когда мы видим происходящие благодаря этому бедствия, зло, гибель процветавших государств, созданных человеческим духом, – мы можем лишь чувствовать глубокую печаль по поводу этого непостоянства, а так как эта гибель не только является делом природы, но и вызвана волей человека, то в конце концов подобное зрелище нас морально огорчает и возмущает нашу добрую душу, если у нас таковая имеется. Не впадая в риторическое преувеличение, лишь верно устанавливая, какие бедствия претерпели славнейшие народы и государства и отдельные добродетельные лица, можно нарисовать ужаснейшую картину этих результатов, которая еще более усилит наше чувство глубочайшей, беспомощной скорби и которой нельзя противопоставить ничего примиряющего. Возможность преодолеть это чувство или освободиться от него дает нам разве только та мысль, что ведь это уже произошло, такова судьба, этого нельзя изменить, а затем, избавляясь от тоски, которую могла бы навести на нас эта грустная мысль, мы опять возвращаемся к нашему чувству жизни, к нашим текущим целям и интересам, словом, вновь предаемся эгоизму, который, находясь в безопасности на спокойном берегу, наслаждается открывающимся перед ним далеким видом груды развалин. Но и тогда, когда мы смотрим на историю, как на такую бойню, на которой приносятся в жертву счастье народов, государственная мудрость и индивидуальные добродетели, то пред мыслью необходимо возникает вопрос: для кого, для какой конечной цели были принесены эти чудовищнейшие жертвы? <...>

Итак, мы утверждаем, что вообще ничто не осуществлялось без интереса тех, которые участвовали своей деятельностью, и так как мы называем интерес страстью, поскольку индивидуальность, отодвигая на задний план все другие интересы и цели, которые также имеются и могут быть у этой индивидуальности, целиком отдается предмету, сосредоточивает на этой цели все свои силы и потребности, – то мы должны вообще сказать, что *ничто великое в мире не совершалось без страсти*. В наш предмет входят два момента: во-первых, идея; во-вторых, человеческие страсти; первый момент составляет основу, второй является утком великого ковра развернутой перед нами всемирной истории. Конкретным центральным пунктом и соединением обоих моментов является нравственная свобода в го-

сударстве. Мы уже говорили об идее свободы как о природе духа и абсолютной конечной цели истории. Страсть признается чем-то неправильным, более или менее дурным: у человека не должно быть никаких страстей. Страсть и не является вполне подходящим словом для того, что я хочу здесь выразить. А именно я имею здесь в виду вообще деятельность людей, обусловленную частными интересами, специальными целями или, если угодно, эгоистическими намерениями, и притом так, что они вкладывают в эти цели всю энергию своей воли и своего характера, жертвуют для них другими предметами, которые также могут быть целью, или, скорее, жертвуют для них всем остальным. Это частное содержание до такой степени отождествляется с волей человека, что оно составляет всю определенность последнего и неотделимо от него, – благодаря ему человек есть то, что он есть. Ведь индивидуум оказывается таким, который конкретно существует, не человеком вообще, потому что такого человека не существует, а определенным человеком. Характер также выражает эту определенность воли и ума. Но характер обнимает собой вообще все частности, образ действий в частных отношениях и т.д. и не является этою определенностью в том виде, как она выражается в действии и деятельности. Итак, я буду употреблять выражение страсть и разуметь под ним особую определенность характера, поскольку эти определенности воли имеют не только частное содержание, но и являются мотивами и побудительными причинами общих действий. Страсть есть прежде всего субъективная, следовательно, формальная сторона энергии, воли и деятельности, причем содержание или цель еще остаются неопределенными; так же обстоит дело и по отношению к личной убежденности, к личному разумению и к личной совести. Всегда дело сводится к тому, каково содержание моего убеждения, какова цель моей страсти, истинны ли та или другая по своей природе. Но и, наоборот, если эта цель такова, то с этим связано то, что она осуществляется и становится действительной. <...> Историческими людьми, *всемирно-историческими личностями* являются те, в целях которых содержится такое всеобщее.

К числу таких людей принадлежит Цезарь, которому грозила опасность быть побежденным теми, которые готовились стать его врагами, и лишиться достигнутого им положения, занимая которое, он был если не выше других лиц, стоявших во главе государства, то по крайней мере равен им. На стороне этих врагов Цезаря, которые вместе с тем преследовали свои личные цели, были формальная конституция и сила юридических формальностей. Цезарь боролся в своих интересах, чтобы сохранить свое положение, честь

и безопасность, и его победа над врагами означала вместе с тем завоевание целого государства, так как их могущество состояло в господстве над провинциями римского государства; таким образом он, сохранив форму конституции, стал единоличным властелином в государстве. Но то, что ему таким образом принесло осуществление его прежде всего отрицательной цели, а именно единоличная власть над Римом, оказалось вместе с тем само по себе необходимым определением в римской и всемирной истории, оно явилось таким образом не только его личным достижением, но инстинктом, который осуществил то, что в себе и для себя было своевременным. Таковы великие люди в истории, личные частные цели которых содержат в себе тот субстанциальный элемент, который составляет волю мирового духа. Их следует называть *героями*, поскольку они черпали свои цели и свое призвание не просто из спокойного, упорядоченного, освященного существующею системою хода вещей, а из источника, содержание которого было скрыто и не доразвилось до наличного бытия, из внутреннего духа, который еще находится под землей и стучится во внешний мир, как в скорлупу, разбивая ее, так как этот дух является иным ядром, а не ядром, заключенным в этой оболочке. Поэтому кажется, что герои творят сами из себя и что их действия создали такое состояние и такие отношения в мире, которые являются лишь их делом и *их* созданием.

Такие лица, преследуя свои цели, не сознавали идеи вообще; но они являлись практическими и политическими деятелями. Но в то же время они были и мыслящими людьми, понимавшими то, что нужно и что *своевременно*. Именно это является правдой их времени и их мира, так сказать, ближайшим родом, который уже находился внутри. Их дело было знать это всеобщее, необходимую ближайшую ступень в развитии их мира, сделать ее своей целью и вложить в ее осуществление свою энергию. Поэтому всемирно-исторических людей, героев какой-нибудь эпохи, следует признать проницательными людьми; их действия, их речи – лучшее в данное время. Великие люди желали доставить удовлетворение себе, а не другим. Те благонамеренные планы и советы, которые им могли бы дать другие, явились бы скорее ограниченными и ложными, потому что именно великие люди и являлись теми, которые всего лучше понимали суть дела и от которых затем все усваивали себе это их понимание и одобряли его или по крайней мере примирались с ним. Ведь далее подвинувшийся в своем развитии дух является внутренней, но бессознательной душой всех индивидуумов, которая становится у них сознательной благодаря великим людям. Другие идут

за этими духовными руководителями именно потому, что чувствуют непреодолимую силу их собственного внутреннего духа, который противостоит им. Далее, если мы бросим взгляд на судьбу этих всемирно-исторических личностей, призвание которых заключалось в том, чтобы быть доверенными лицами всемирного духа, оказывается, что эта судьба не была счастливой. Они появлялись не для спокойного наслаждения, вся их жизнь являлась тяжелым трудом, вся их натура выражалась в их страсти. Когда цель достигнута, они отпадают, как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают, как Наполеона на остров св. Елены. То злорадное утешение, что жизнь исторических людей нельзя назвать счастливой, что так называемое счастье возможно лишь в частной жизни, которая может протекать при весьма различных внешних обстоятельствах, – это утешение могут находить в истории те, кто в этом нуждается. А нуждаются в этом завистливые люди, которых раздражает великое, выдающееся, которые стремятся умалить его и выставить напоказ его слабые стороны. Таким образом и в новейшее время много раз доказывалось, что государи вообще не бывают счастливы на троне, а поэтому доказывающие это мирятся с тем, что царствуют не они, а государи. Впрочем, свободный человек не бывает завистливым, а охотно признает великое и возвышенное и радуется, что оно есть.

Итак, этих исторических людей следует рассматривать по отношению к тем общим моментам, которые составляют интересы, а таким образом и страсти индивидуумов. Они являются великими людьми именно потому, что они хотели и осуществили великое и притом не воображаемое и мнимое, а справедливое и необходимое... Всемирно-исторической личности не свойственна трезвенность, выражающаяся в желании того и другого; она не принимает многого в расчет, но всецело отдается одной цели. Случается также, что такие личности обнаруживают легкомысленное отношение к другим великим и даже священным интересам, и, конечно, подобное поведение подлежит моральному осуждению. Но такая великая личность бывает вынуждена растоптать иной невинный цветок, сокрушить многое на своем пути.

... Не всеобщая идея противопоставляется чему-либо и борется с чем-либо; не она подвергается опасности; она остается недостижимой и невредимой на заднем плане. Можно назвать *хитростью разума* то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред. Ибо речь идет о явлении, часть которого ничтожна, а часть положитель-

на. Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов.

<...> Философия же должна, в противоположность вышеупомянутым идеалам, способствовать пониманию того, что действительный мир таков, каким он должен быть, что истинное добро, всеобщий божественный разум, является и силою, способною осуществлять себя. Это добро, этот разум в его конкретнейшем представлении есть бог. Бог правит миром; содержание его правления, осуществление его плана есть всемирная история. Философия хочет понять этот план, потому что только то, что из него осуществлено, действительно; то, что не соответствует ему, представляет собою лишь гнилое существование. Пред чистым светом этой божественной идеи, которая не является только идеалом, исчезает иллюзия, будто мир есть безумный, нелепый процесс. Философия стремится познать содержание, действительность божественной идеи и оправдать презираемую действительность. Ведь разум есть познание божественного творения...

<...> Во всемирной истории может быть речь только о таких народах, которые образуют государство. Ведь нужно знать, что государство является осуществлением свободы, т. е. абсолютно конечной цели, что оно существует для самого себя; далее, нужно знать, что вся ценность человека, вся его духовная действительность, существует исключительно благодаря государству. Ведь его духовная действительность заключается в том, что для него как знающего объектом является его сущность, разумное начало, что оно имеет для него объективное, непосредственное, наличное бытие; лишь таким образом он является сознанием, лишь таким образом он проявляется в нравах, в юридической и нравственной государственной жизни. Ведь истинное есть единство всеобщей и субъективной воли, а всеобщее существует в государстве, в законах, в общих и разумных определениях. Государство есть божественная идея как она существует на земле. Таким образом, оно есть точнее определяемый предмет всемирной истории, в котором свобода получает свою объективность и существует, наслаждаясь этой объективностью. Ведь закон есть объективность духа и воли в своей истинности; и лишь такая воля, которая повинуется закону, свободна, потому что она повинуется самой себе и оказывается у самой себя и свободной. Так как государство, отечество, означает общность наличного бытия, так как субъективная воля человека подчиняется законам, то про-

тивоположность свободы и необходимости исчезает. Разумное необходимо как субстанциальное, и мы свободны, когда мы признаем его как закон и следуем ему как субстанции нашего собственного существа; тогда объективная и субъективная воли примиряются и образуют единое невозмутимое целое...

<...>Свободу всегда понимают превратно, признавая ее лишь в формальном, субъективном смысле, не принимая в расчет ее существенных предметов и целей; таким образом, ограничение влечения, вожделения, страсти, принадлежащей лишь частному лицу как таковому, ограничение произвола принимается за ограничение свободы. Наоборот, такое ограничение является просто условием, делающим возможным освобождение, а общество и государство являются такими состояниями, в которых осуществляется свобода»¹.

¹ Гегель, Г.В.Ф. *Философия истории* / Г.В.Ф.Гегель // Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 2000. – С. 57–92.

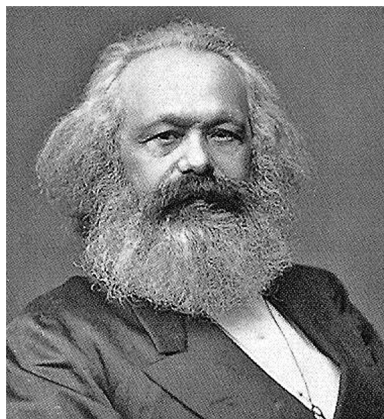
Семинар № 3. МАРКСИЗМ. МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ

Задачи семинара:

- 1) обсудить влияние идей Маркса и Энгельса на развитие философской и социологической мысли;
- 2) раскрыть основоположения марксизма и особенности материалистического понимания истории;
- 3) проанализировать тексты немецких философов, определив ключевые для марксизма понятия: общественное бытие, общественное сознание, идеология, производственные отношения, базис, надстройка.

Философский пролог

Карл Маркс (1818–1883) – немецкий философ изменивший своим сочинениями не только интеллектуальный ландшафт, но и социальную реальность. Уроженец города Трир обладал огненным темпераментом и не менее пламенным стилем письма, обеспечив себе славу яркого публициста и самобытного мыслителя. Исследователи отмечают

междисциплинарный характер марксистских трудов, усматривая причину в разностороннем образовании юноши: Карл Маркс окончил юридический факультет Берлинского университета, кандидатскую диссертацию защитил по философии, многие годы увлеченно изучал экономику, став в итоге основоположником политэкономии. Встреча с Фридрихом Энгельсом, состоявшаяся в 1844 году, стала поистине судьбоносной для обоих. Именно Энгельс, сын текстильного магната, познакомил

Маркса с положением рабочих на фабрике и подтолкнул своего старшего друга к рефлексии на тему социальной несправедливости. Совместно с Энгельсом Маркс создает «Манифест коммунистической партии» (1847), в котором призывает к насильственному свержению капиталистического строя, отмене частной собственности и утверждению нового, бесклассового общества. Проект «мирового пожара» потерпел фиаско, а его вдохновитель был вынужден эмигрировать в Англию. Будучи личностью маргинальной, Маркс готовил революцию в том обществе, в котором жил, и не удивительно, что очень бы-

стро он становился чужим в пространстве социума. Однако именно в борьбе мыслитель черпал источник вдохновения, что нашло отражение в стихотворении юного Маркса под названием «Чувства»:

*Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне.*

*Мой удел – к борьбе стремиться,
Вечный жар во мне кипит,
Тесны жизни мне границы,
По теченью плыть претит.*

Не случайно классовая борьба стала доминирующим мотивом учения Маркса и краеугольным камнем марксизма как новой идеологии рабочего класса. Согласно Карлу Марксу, нормальное социальное развитие характеризуется постоянным разрывом с прошлым, а «революция является локомотивом истории». Главное – это осознать движущие силы истории и перейти от объяснений реальности к ее революционному изменению. Высокая энергия марксистских идей не могла оставить равнодушными ни современников Маркса, ни последующих политических деятелей, пытавшихся по своему воплотить идеи немецкого мыслителя в жизнь.

Вопросы к работе Маркса «Тезисы о Фейербахе»

1. В чем заключается противоположность материализма и идеализма как двух направлений в истории философии?
2. Назовите исторические формы материализма. Какую новую форму материализма создает Маркс?
3. Что Маркс утверждает в качестве критерия истины?
4. Как немецкий философ трактует сущность практики?
5. Почему Маркс рассматривает мышление Фейербаха как абстрактное мышление?
6. Найдите в приведенном ниже фрагменте из «Тезисов о Фейербахе» определение сущности человека.
7. Какую новую задачу формулирует Маркс в последнем тезисе?

Фрагмент из работы Карла Маркса «Тезисы о Фейербахе»

«1

Главный недостаток всего предшествующего материализма – включая и феербаховский – заключается в том, что предмет, дей-

ствительность, чувственность берегся только в форме *объекта*, или в форме *созерцания*, а не как *человеческая чувственная деятельность, практика*, не субъективно...

2

Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос...

3

Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан...

4

Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе...

5

Недовольный *абстрактным мышлением*, Фейербах апеллирует к *чувственному созерцанию*; но он рассматривает чувственность не как *практическую*, человечески-чувственную деятельность.

6

Фейербах сводит религиозную сущность к *человеческой* сущности. Но сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

Фейербах, который не занимается критикой этой действительной сущности, оказывается поэтому вынужденным:

1) абстрагироваться от хода истории, рассматривать религиозное чувство [Gemüt] обособленно и предположить абстрактного – *изолированного* – человеческого индивида;

2) поэтому у него человеческая сущность может рассматриваться только как «род», как внутренняя, немая всеобщность, связующая множество индивидов только *природными* узами.

7

Поэтому Фейербах не видит, что «религиозное чувство» само есть *общественный продукт* и что абстрактный индивид, подвергаемый им анализу, в действительности принадлежит к определенной общественной форме.

8

Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое раци-

ональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики.

9

Самое большое, чего достигает *созерцательный* материализм, т. е. материализм, который понимает чувственность не как практическую деятельность, это – созерцание им отдельных индивидов в «гражданском обществе».

10

Точка зрения старого материализма есть «*гражданское*» общество; точка зрения нового материализма есть *человеческое* общество, или обобществившееся человечество.

11

Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹.

Вопросы к первой главе из работы Маркса и Энгельса «Немецкая идеология»

1. Анализ каких отношений представлен в тексте?
2. Опишите сферу духовной жизни. Из каких идей она состоит?
3. Найдите в тексте «исходную точку» учения Маркса и Энгельса. В чем авторы усматривают суть сознания?
4. Что является движущей силой истории, согласно авторам текста?
5. Докажите следующий тезис марксизма: «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства».
6. Приведите пример, когда «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание».
7. О каких предпосылках революции и перехода общества к коммунизму идет речь в тексте?

Фрагмент из работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Фейербах, противоположность материалистического и идеалистического воззрений» (I глава «Немецкой идеологии»)

« <...>

[4.Сущность материалистического понимания истории. Общественное бытие и общественное сознание]

Итак, дело обстоит следующим образом: определённые индивиды, определённым образом занимающиеся производственной

¹ *Маркс, К.* Тезисы о Фейербахе / К.Маркс // Избранные произведения. В 3-х т. – М.: Политиздат, 1980. – Т. I. – С. 1–3.

деятельностью, вступают в определённые общественные и политические отношения. Эмпирическое наблюдение должно в каждом отдельном случае – на опыте и без всякой мистификации и спекуляции – выявить связь общественной и политической структуры с производством. Общественная структура и государство постоянно возникают из жизненного процесса определённых индивидов – не таких, какими они могут казаться в собственном или чужом представлении, а таких, каковы они в *действительности*, т. е. как они действуют, материально производят и, следовательно, как они действительно проявляют себя при наличии определённых материальных, не зависящих от их произвола границ, предпосылок и условий.

Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь ещё непосредственным порождением их материальных действий. То же самое относится к духовному производству, как оно проявляется в языке политики, законов, морали, религии, метафизики и т. д. того или другого народа. Люди являются производителями своих представлений, идей и т. д., но речь идёт о действительных, действующих людях, обусловленных определённым развитием их производительных сил и соответствующим этому развитию общением, вплоть до его отдалёнейших форм. Сознание [das Bewußtsein] никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием [das bewußte Sein], а бытие людей есть реальный процесс их жизни. Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обсуре, то это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственно физического процесса их жизни.

В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, – мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного про-

цесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками. Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие своё материальное производство и своё материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также своё мышление и продукты своего мышления. Не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание. При первом способе рассмотрения исходят из сознания, как если бы оно было живым индивидом; при втором, соответствующем действительной жизни, исходят из самих действительных живых индивидов и рассматривают сознание только как *их* сознание. <...>

[24] Итак, это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения – т. е. гражданское общество на его различных ступенях – как основу всей истории; затем необходимо изобразить деятельность гражданского общества в сфере государственной жизни, а также объяснить из него все различные теоретические порождения и формы сознания, религию, философию, мораль и т.д. и т.д., и проследить процесс их возникновения на этой основе, благодаря чему, конечно, можно будет изобразить весь процесс в целом (а потому также и взаимодействие между его различными сторонами). Это понимание истории, в отличие от идеалистического, не разыскивает в каждой эпохе ту или иную категорию, а остается все время на *почве* действительной истории, объясняет не практику из идей, а идейные образования из материальной практики и в силу этого приходит также к тому выводу, что все формы и продукты сознания могут быть уничтожены не духовной критикой, не растворением их в «самосознании» или превращением их в «привидения», «призраки», «причуды» и т.д., а лишь практическим ниспровержением реальных общественных отношений, из которых произошел весь этот идеалистический вздор, – что не критика, а революция является движущей силой истории, а также религии, философии и прочей теории. Эта концепция показывает, что история не растворяется в «самосознании», как «дух от духа», но что каждая ее ступень застаёт в наличии определенный материальный результат, определенную сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застаёт передаваемую каждому

последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определенное развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства.

Та сумма производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное, есть реальная основа того, что философы представляли себе в виде «субстанции» и в виде «сущности человека», что они обожествляли и с чем боролись, – реальная основа, действию и влиянию которой на развитие людей несколько не препятствует то обстоятельство, что эти философы в качестве «самосознания» и «Единственных» восстают против нее. Условия жизни, которые различные поколения застают в наличии, решают также и то, будут ли периодически повторяющиеся на протяжении истории революционные потрясения достаточно сильны, или нет, для того, чтобы опрокинуть основу всего существующего; и если нет налицо этих материальных элементов всеобщего переворота, а именно: с одной стороны, определенных производительных сил, а с другой, формирования революционной массы, восстающей не только против отдельных условий прежнего общества, но и против самого прежнего «производства жизни», против «совокупной деятельности», на которой оно основано, – если этих материальных элементов нет налицо, то, как это доказывает история коммунизма, для практического развития не имеет никакого значения то обстоятельство, что уже сотни раз высказывалась *идея* этого переворота¹.

Вопросы к работе Маркса «Манифест коммунистической партии»:

1. Что означает слово *манифест*?
2. В чем состоит движущая сила истории?
3. Назовите суть классового противоречия в эпоху буржуазии.
4. Найдите в тексте обоснование прогрессивной роли буржуазии в развитии общества.
5. Прокомментируйте следующее высказывание авторов Манифеста: «Рабочий становится простым придатком машины».

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (I глава «Немецкой идеологии») / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения. В 3-х т. – М.: Политиздат, 1980. – Т. I. – С. 13–34.

6. Какой путь перехода от капиталистического способа производства к коммунизму утверждают Маркс и Энгельс?

Фрагмент из работы Маркса и Энгельса «Манифест коммунистической партии»

«<...>

Призрак бродит по Европе – призрак коммунизма. <...>

Коммунизм признается уже силой всеми европейскими силами.

Пора уже коммунистам перед всем миром открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке коммунизма противопоставить манифест самой партии.

С этой целью в Лондоне собрались коммунисты самых различных национальностей и составили следующий «Манифест», который публикуется на английском, французском, немецком, итальянском, фламандском и датском языках.

I

Буржуа и пролетарии

История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов.

В предшествующие исторические эпохи мы находим почти повсюду полное расчленение общества на различные сословия, – целую лестницу различных общественных положений. В Древнем Риме мы встречаем патрициев, всадников, плебеев, рабов; в средние века – феодальных господ, вассалов, цеховых мастеров, подмастерьев, крепостных, и к тому же почти в каждом из этих классов – еще особые градации.

Вышедшее из недр погибшего феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. Оно только поставило новые классы, новые условия угнетения и новые формы борьбы на место старых.

Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса – буржуазию и пролетариат.

Из крепостных средневековья вышло свободное население первых городов; из этого сословия горожан развились первые элементы буржуазии. <...>

Прежняя феодальная, или цеховая, организация промышленности более не могла удовлетворить спроса, возраставшего вместе с новыми рынками. Место ее заняла мануфактура. Цеховые мастера были вытеснены промышленным средним сословием; разделение труда между различными корпорациями исчезло, уступив место разделению труда внутри отдельной мастерской.

Но рынки все росли, спрос все увеличивался. Удовлетворить его не могла уже и мануфактура. Тогда пар и машина произвели революцию в промышленности. Место мануфактуры заняла современная крупная промышленность, место промышленного среднего сословия заняли миллионеры-промышленники, предводители целых промышленных армий, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемирный рынок, подготовленный открытием Америки. Всемирный рынок вызвал колоссальное развитие торговли, мореплавания и средств сухопутного сообщения. Это в свою очередь оказало воздействие на расширение промышленности, и в той же мере, в какой росли промышленность, торговля, мореплавание, железные дороги, развивалась буржуазия, она увеличивала свои капиталы и оттесняла на задний план все классы, унаследованные от средневековья.

Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в способе производства и обмена. <...>

Буржуазия сыграла в истории чрезвычайно революционную роль.

Буржуазия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, чертовой.

Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников.

Буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный покров и свела их к чисто денежным отношениям. <...>

Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянно переворотов в орудиях производства, не революционизируя, следовательно, производственных отношений, а стало быть, и всей совокупности общественных отношений...

Потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов гонит буржуазию по всему земному шару. Всюду должна она внедриться, всюду обосноваться, всюду установить связи.

Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим... На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература. <...>

В той же самой степени, в какой развивается буржуазия, т. е. капитал, развивается и пролетариат, класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу, а находят ее лишь до тех пор, пока их труд увеличивает капитал. Эти рабочие, вынужденные продавать себя поштучно, представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержены всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка...

...Рабочий становится простым придатком машины, от него требуются только самые простые, самые однообразные, легче всего усваиваемые приемы. <...>

Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. Все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же есть ее собственный продукт. <...>

Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН,
СОЕДИНЯЙТЕСЬ!»¹.

¹ *Маркс, К., Энгельс, Ф.* Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные произведения. В 3-х т. – М.: Политиздат, 1980. – Т. I. – С. 106–138.

Семинар № 4. РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ.

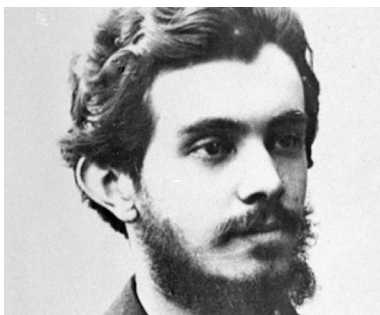
Н. А. БЕРДЯЕВ О СУДЬБЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Задачи семинара:

- 1) осветить историософскую направленность в отечественной мысли, состоящую в поиске особенной роли России в мировом процессе;
- 2) поднять тему драматической судьбы русских философов в 30-е годы двадцатого века;
- 3) раскрыть самобытность философской концепции Николая Александровича Бердяева, проанализировав его работу «Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи».

Философский пролог

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – символ духовного Ренессанса советской России, «русский романтик начала XX века», страстно желавший не только познать истину, но и изменить мир согласно этой истине. Современники отмечали необыкновенную внешнюю красоту Бердяева, сравнивая отечественного гения с духовно утонченными героями портретов Тициана. Удивительным образом в характере Бердяева сочетались вспыльчивость и редчайшая душевная чуткость, воинственная защита собственных взглядов и умение уважать свободу других.

Родился Николай Александрович в Киеве, в аристократической семье потомственных генералов и георгиевских кавалеров. Закончив Кадетский корпус, Бердяев поступил на естественный факультет Университета им. Св. Владимира, затем перевелся на юридический, но вскоре был отчислен и арестован за активную пропаганду марксистских идей. Вернувшись в родной город из трехлетней ссылки, Бердяев в 1904 г. встретил там свою будущую супругу, Лидию Юдифовну Трушеву. Подобно Николаю Александровичу, Лидия Юдифовна была революционеркой и видела в марксизме прогрессивное учение 19 в., призывавшее к борьбе за освобождение людей от социального рабства и несправедливости. Объединенные искренним желанием встать на защиту чести и достоинства личности, Бердяев и Трушева стали не только единомышленниками, но и любящими супругами.

На протяжении 40 лет Николай Александрович и Лидия Юдифовна были друг для друга духовной опорой и источником неиссякаемого вдохновения. Вот что написала Лидия Юдифовна об их необыкновенном союзе: «В *Ни* я нашла то, чего, мне казалось, в жизни найти нельзя... Широкий и свободный ум, глубину и какую-то детскую чистую и правдивую душу. Весь он – устремление ввысь и вдаль, его дух не знает покоя, все его творчество – бурный поток, несущий его вперед и вперед»¹. Николай Александрович отвечал супруге таким же теплым и проникновенным чувством, а смерть Лидии Юдифовны в 1945 г. углубила веру мыслителя в бессмертие любящих: «Перед сном я каждый день заходил в комнату Лидии, и мы вели духовно-мистические беседы. Я так любил это время дня и все время вспоминаю об утраченном... Не могу примириться с безвозвратностью, с образовавшейся пустотой. Не могу примириться с конечностью человеческого существования, которую Гейдеггер считает последней истиной... Есть откровение любви в смерти. Только в смерти есть предельное обострение любви. Любовь делается особенно жгучей и обращенной к вечности. Духовное общение не только продолжается, но оно делается особенно сильным и напряженным, оно даже сильнее, чем при жизни. Я сказал Лидии перед смертью, что она была огромной духовной поддержкой моей жизни. Она мне писала, что будет продолжать быть такой поддержкой. И это верно»².

В приведенном выше фрагменте из автобиографической книги Бердяева «Самопознание» высвечиваются сквозные темы всего творчества мыслителя: вопросы о смысле жизни и назначении человека, памяти и бессмертии, любви и творчестве. Именно творчество, по убеждению отечественного мыслителя, способно преодолеть конечность земного существования и осуществить прорыв в трансцендентное. Судя по тому, с каким интересом и увлечением книги Бердяева изучаются современными мыслителями, Николаю Александровичу удалось реализовать этот «трансцендентный прорыв». Земной путь философа был драматичен, но, возможно, именно эти драмы обнажили подлинное Я мыслителя и помогли раскрыться его экзистенции. В 1922 г. вся семья Бердяевых была выслана советскими властями на пароходе в Берлин, а спустя 2 года Бердяевы переехали в Париж. За границей философ активно про-

¹ Бердяева Л.Ю. Профессия: жена философа / Л.Ю.Бердяева. – М.: Молодая гвардия, 2002. С.33.

² Бердяев Н.А. Самопознание / Н.А.Бердяев. – М., 2004. С.307.

должил творческую деятельность, опубликовав работы, принесшие ему европейскую известность: «Философия неравенства», «Смысл истории», «Миросозерцание Достоевского», «Философия свободного духа», «Самопознание. Опыт философской автобиографии» и др. Признание на Родине пришло к Бердяеву уже после смерти, и теперь два перводвигателя бердяевского творчества: искание смысла и искание вечности, – приводят в движение умы тех мыслителей, которые не равнодушны к отечественной философии и судьбе России в целом.

**Вопросы к работе Бердяева
«Судьба человека в современном мире.
К пониманию нашей эпохи»**

1. Анализу какой критической ситуации посвящена работа Н. Бердяева?
2. Какой смысл вкладывает автор в слово «дегуманизация»?
3. Согласны ли вы с Бердяевым в том, что «машина дегуманизирует человеческую жизнь»?
4. Почему принцип сверхчеловека ведет к моральной катастрофе?
5. О каких социальных явлениях, влекущих за собой крушение гуманистической теории прогресса, пишет автор?
6. Что является предметом идолопоклонничества современного человека?
7. Идеи каких мыслителей воспринимаются в искаженном виде сознанием современного человека?
8. Объясните следующее положение автора: «исчезает человек как целостное существо».
9. В чем состоит негативное влияние естественных влечений человека?
10. Опишите положение человека в мире технической цивилизации.
11. Какой тезис христианской антропологии защищает Бердяев?
12. О каких элементах кризиса современной литературы пишет автор?
13. В чем видит философ отсутствие истинного понимания любви христианами?
14. Почему идея свободы в христианской религии вызывает тревогу у мыслителя?

**Фрагмент из работы Н. А.Бердяева
«Судьба человека в современном мире.
К пониманию нашей эпохи»**

«Глава II

**Судьба человека в истории. Гуманизм и бестиализм.
Дегуманизация. Противоречия свободы. Капитализм.
Демократия. Коммунизм. Фашизм. Диктатура мирозерцания.**

1

Основная тема нашей эпохи есть вместе с тем и основная тема истории – тема о судьбе человека. То, что сейчас происходит в мире, не есть даже кризис гуманизма, – это тема второстепенная, а кризис человека. Ставится вопрос о том, будет ли то существо, которому принадлежит будущее, по-прежнему называться человеком. Мы присутствуем при процессе дегуманизации во всех областях культуры и общественной жизни. И прежде всего дегуманизируется моральное сознание. Человек перестал быть не только высшей ценностью, но и вообще перестал быть ценностью. Молодежь всего мира, коммунистическая, фашистская, национал-социалистическая и просто увлеченная техникой и спортом, настроена не только антигуманистически, но часто и античеловечно. Значит ли это, что мы должны защищать против нее старый гуманизм? Я много писал о кризисе гуманизма и старался показать, что он фатально переходит в антигуманизм, что предел его – отрицание человека. Гуманизм стал бессилён и должен быть преодолен. Гуманизм, связанный с возрождением античности, хрупок, его расцвет предполагает аристократическое строение общества, и ему наносит страшные удары демократия, вторжение в культуру масс и власть техники. Машина дегуманизирует человеческую жизнь. Человек, не пожелавший быть образом и подобием Божьим, делается образом и подобием машины. Гуманизм, демократизированный начиная с XVIII века, идет по пути подчинения человека обществу, социальной обыденности, обобществляет человека, гуманизм теряет себя. Демократизированный и обобществленный гуманизм перестает быть внимателен к человеку, он интересуется устройством общества, но не интересуется внутренней жизнью человека. Таков фатальный процесс. Поэтому гуманизм не может быть силой, способной противостоять процессу дегуманизации. От гуманизма, как торжества срединной человечности, возможно движение в два противоположных направления – вверх и вниз, к богочеловечности и богозверности. Движение к сверхчеловечеству и сверхчеловеку, к сверхчеловеческой силе

слишком часто означает не что иное, как бестиализацию. Современный антигуманизм принимает формы бестиализма. Но гуманизм лучше бестиализма. Несчастливым и трагическим Ницше пользуется для возвышенного оправдания дегуманизации и бестиализации (*blonde Bestia*). К богочеловечеству, к подлинному сверхчеловечеству идут немногие, к бестиализму, к богозверности идут многие. Нашему времени свойственна бестиальная жестокость к человеку, и она поразительна тем, что она обнаруживается на вершинах рафинированной человечности, когда новая сострадательность, казалось бы, сделала невозможными старые формы варварской жестокости. Бестиализм есть варварство внутри уже утончившейся цивилизации, это совсем не есть старое натуральное, здоровое варварство. Тут атавизм варварских инстинктов преломлен в цивилизации и потому имеет патологический характер. Бестиализм есть явление человеческого мира и мира уже цивилизованного. Его не существует в животном мире, который принадлежит к другой иерархической ступени бытия, имеет свое оправдание и назначение. Животное стоит много выше бестиализированного человека. Поэтому мы и говорим о падшести человека. Именно бестиализм сейчас ставится выше гуманизма, именно к нему призывают перейти от гуманизма. Но бестиализм, во всяком случае, хуже и ниже гуманизма, хотя гуманизм и бессилён ему противиться. Бестиализм нашего времени есть порождение войны, крови войны, есть отравленность кровью войны. Мораль войны стала моралью «мирной» жизни, которая в сущности есть продолжение войны, войны всех против всех. Согласно этой морали, все стало дозволенным, с человеком можно как угодно обращаться для достижения нечеловеческих и противочеловеческих целей. Бестиализм есть отрицание ценности человеческого лица, всякого человеческого лица, есть отрицание всякой сострадательности к человеческой участи. Гуманизм новой истории кончается. Это неотвратимо. Но конец гуманизма считается также концом человечности. Это и есть моральная катастрофа. Мы вступаем в бесчеловечное царство, царство бесчеловечности, бесчеловечности не фактической только, которая всегда была велика, а принципиальной. Бесчеловечность стала представляться возвышенной, окруженной ореолом героизма. Против человека стоит класс или раса, обоготворенный коллектив или государство. Современный национализм несет на себе черты бестиальной бесчеловечности. Не всякий человек признается человеком, ценностью, образом и подобием Божьим. Слишком часто самое христианство толковали как бесчеловечное. «Арийский параграф», предложенный христианству,

есть проект новой формы бесчеловечности в христианстве. Но это не так уже ново. Слишком часто христианство, т. е. христианское человечество, было бесчеловечно в прошлом. Но бестиализм старый, наивный, варварский, инстинктивный не имел о себе сознания, он был досознательный, бестиализм же современный сознательный, надуманный, прошедший через рефлексию и через цивилизацию, самооправданный. Бесчеловечности современного национализма противостоит бесчеловечность современного коммунизма. Он также не всякого человека считает человеком, ценностью, образом и подобием Божьим. С классовым врагом можно поступать как угодно. Мы еще вернемся к этой теме и увидим, что национализм и расизм по принципу хуже коммунизма.

Образ человека может еще не раскрыться, человек может быть как бы в потенциальном состоянии. Так бывало в прошлом. Но сейчас совсем другое. Образ человека пошатнулся и начал разлагаться после того, как он раскрылся. Это происходит сейчас во всех сферах. Дегуманизация проникла во все сферы человеческого творчества. Оказалось, что самобоготворение человека ведет к дегуманизации. Это есть, конечно, крушение гуманистической теории прогресса. Судьба человека безмерно сложнее, чем думали в XIX веке. Вновь образующийся мир движется иными ценностями, чем ценность человека, человеческого лица, чем ценность истины, – ценностями могущества, техники, расы, национальности, государства, класса, коллектива. Воля к правде побеждается волей к могуществу. Диалектика этого процесса очень тонка. Человек хочет могущества, собственного могущества, но это ведет к тому, что могущество он ставит выше себя, выше человека, что во имя своего могущества он готов пожертвовать своим человеческим. Могущество объективизируется и отвлекается от человеческого существования. Ценность могущества техники, могущества государства, могущества расы, могущества класса бестиализирует человека, во имя этих могуществ допускается какое угодно обращение с человеком. Было бы ошибочно думать, что современный бестиализм и связанная с ним дегуманизация основаны на торжестве голых инстинктов и аффектов и на отрицании всех ценностей, которые сознаются как идеальные. Современный бестиализм и дегуманизация опираются на идолатрию, на идолопоклонническое отношение к технике, расе, классу, государству, производству и пр. и на обращение атавистических инстинктов на служение им. Мы уже говорили, что современное варварство есть цивилизованное варварство. Война пробудила древние инстинкты – расовые, национальные, инстинкты власти и насилия,

инстинкты мести, но эти инстинкты осуществляются в формах технической цивилизации... В современных течениях чувствуется сейчас очень сильное влияние двух мыслителей XIX века – Маркса и Ницше, которые обозначают срыв и конец гуманизма. Маркс и Ницше борются между собой и разделяют мир. Несомненно влияние Ницше на фашизм и национал-социализм, на современный апофеоз могущественных вождей, на выработку жесткого, лишённого сострадания типа молодежи. Сам Ницше, одинокий аристократический мыслитель, наверное, в ужасе отвернулся бы от социальных последствий своей проповеди. Ницше совсем не любил идеи пангерманизма, не был немецким националистом и, вероятно, испытал бы содрогание отвращения от современного плебейского духа, лишённого всякого благородства. Но влияние действует в подземной и подсознательной сфере и часто пробуждает такого рода силы, которых не имел в виду пробуждать творец, оказавший влияние. Историческое влияние Лютера тоже ведь пошло совсем не в том направлении, в каком он предполагал оказать влияние, он никак не предполагал, что протестантизм станет рационалистическим и моралистическим. Влияние Маркса на коммунизм гораздо более по видимости прямое, но русская коммунистическая революция, наверное, очень изумила бы Маркса, ибо совершенно противоречит его учению и даже опровергает его. Сейчас Маркс и Ницше влияют в направлении дегуманизации общества и культуры. И эта дегуманизация есть вместе с тем дехристианизация...

В культурных и идейных течениях нашей эпохи дегуманизация идет в двух направлениях – в сторону натурализма и в сторону техницизма. Человек подчиняется или космическим силам, или технической цивилизации. Мало сказать, что он подчиняется, он растворяется и исчезает или в космической жизни, или во всемогущей технике, он принимает или образ и подобие природы, или образ и подобие машины. Но и в том, и в другом случае он теряет свой образ и разлагается на элементы. Исчезает человек как целостное существо, как существо внутренне центрированное, духовно сосредоточенное, сохраняющее связь и единство. Дробные и частичные элементы человека предъявляют права не только на автономию, но и на верховное значение в жизни. Самоутверждение этих разорванных элементов в человеке, например не сублимированных элементов подсознательного, сексуального влечения или воли к преобладанию и могуществу, свидетельствуют о том, что целостный образ человека исчезает и уступает место нечеловеческим природным элементам. Человека нет, есть лишь функции человека. Но это распадение

человека на те или иные функции есть прежде всего порождение технической цивилизации. Наибольшей остроты достигает процесс дегуманизации в современной технике войны, которая более не нуждается в человеческой доблести. Техническая цивилизация требует от человека выполнения той или иной функции, и она не хочет знать человека, она знает лишь функции. Это есть не растворение человека в природе, а уподобление человека машине. Когда цивилизованный человек тяготеет к природе, то он хочет вернуться к целостности и бессознательности, так как сознание разложило его и сделало несчастным. Это есть романтизм... Когда человек стремится к совершенному исполнению технических функций, когда уподобляет себя новому богу – машине, то это тенденция обратная, не к целостности, а к дифференциации все большей и большей. Но человек исчезает и в той и в другой тенденции, обе тенденции дегуманизируют. Человек не может быть ни образом природы, ни образом машины. Человек – образ и подобие Божье. И то образование человека как целостного существа, как личности, которое началось в мире библейском и мире греческом, окончательно завершилось лишь в христианстве. Сейчас происходит как бы обратный космический процесс, не только против христианства, но и против Библии, и против греческой культуры...

Процесс дегуманизации очень силен в современной литературе, в современном романе. Если взять двух самых замечательных французских писателей последней эпохи – Пруста и Андрэ Жида, то не может не броситься в глаза, что у них человек разлагается, у них нет целостного образа человека, а есть лишь элементы ощущений, *sensations*, и состояний интеллектуальных и рассудочных. Прежде всего исчезает сердце как целостный и центральный орган человеческого существа, как носитель человеческих чувств. Человек печалится и даже приходит в отчаяние от этого исчезновения целостного человеческого существа, но он бессилён удержать его. Иногда он даже радуется от собственного исчезновения. В романе нет больше богатства человеческих типов, многообразия человеческого мира, а лишь клочья и элементы того существа, которое раньше именовалось человеком. Современный психологический роман, талантливый и утонченный, занят анализом подсознательного, погружается в плавучий мир ощущений, страшно усложненный интеллектуальностью. Человека разлагает и власть подсознательного, и рассудочность. У современных романистов, наиболее талантливых, почти совершенно отсутствует творческая фантазия, они или погружены в себя, или изображают злую действительность, которой подавлены... Сравните

современный роман, например, с Диккенсом. Поражает пройденный путь, как будто произошла космическая катастрофа. У Диккенса – богатый и разнообразный человеческий мир, мир человеческих образов и типов, огромная сила творческой фантазии. Человек сохраняется, имеет свой образ, даже когда он дурной и смешной. В гениальном сатирико-юмористическом произведении «Записки Пиквикского клуба», в котором есть что-то от Сервантеса, чисто человеческий мир еще сохраняется, есть человеческий образ. Также поражает различие, если сравнить современный роман с Бальзаком или Л. Толстым. В творчестве Толстого есть сильный космический элемент, но в этой космической стихии сохраняется многообразный человеческий мир, еще не разложившийся. Сейчас ничего подобного уже найти нельзя. Но в современном романе есть большая правда о человеке, правда о том, что происходит с человеком.

<...>

Новая духовность есть не только путь от мира и человека к Богу, но и путь от Бога к миру и человеку, не только восхождение, но и нисхождение, т. е. вмещение в полноте истины о Богочеловечестве, о богочеловеческой жизни. В старой духовности любовь к Богу часто бывала нелюбовью к человеку, отворачиванием от человека, проклятием миру. Избавление может принести лишь новая духовность, в которой любовь к Богу будет и любовью к людям, в которой свобода от власти мира будет также и любовью ко всему Божьему творению, в которой духовная жизнь человека будет не только искуплением, но и творческим делом в мире. Это предполагает не отрицание аскезы, а новое понимание аскезы, при котором она будет освобождена от жизневраждебных элементов, от того, что можно назвать религиозным нигилизмом. Христианство есть прежде всего религия любви и свободы. Но именно потому, что христианство есть религия свободы, будущее не детерминировано, не фатально ни в сторону зла, ни в сторону добра. Поэтому предстоит трагическая борьба. Новая духовность должна вновь гуманизировать человека, общество, культуру, мир. Но для христианства этот процесс гуманизации есть не исключительно человеческий, а богочеловеческий процесс... Проблеме человека принадлежит примат над проблемой общества и культуры. И человек берется тут не как отвлеченное духовное существо, не в одной своей внутренней личной жизни, а как целостное существо, как существо и социальное, и космическое»¹.

¹ Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи / Н. А. Бердяев // Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994. – С. 324–362.

ИНСТРУКЦИЯ ПО НАПИСАНИЮ КОНТРОЛЬНЫХ РАБОТ

1. Данный параграф учебно-методического пособия содержит 20 вариантов контрольных заданий. Ваш вариант складывается из двух последних цифр Вашей зачетной книжки согласно следующей инструкции:

а) если предпоследняя цифра Вашего номера 0, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 или 9, то вариант, который необходимо подготовить Вам, соответствует последнему числу Вашей зачетной книжки. Например, если Ваша зачетная книжка заканчивается на «05», то у Вас экзаменационный вариант №5, а если на «78», то Ваш вариант – №8;

б) если же предпоследняя цифра Вашей зачетной книжки 1, то Ваш вариант соответствует числу от 11 до 19;

в) студент, чья зачетная книжка заканчивается на «00», может выбрать вариант по своему усмотрению.

2. Структура всех вариантов включает два типовых задания:

I. Раскрыть указанную тему в объеме 10–15 страниц;

II. Истолковать изречение известного философа в форме эссе (1–3 страницы).

Темы контрольных работ

Вариант № 1

I. Философский вопрос о смысле жизни (С. Л. Франк «Смысл жизни»; Е. Н. Трубецкой «Смысл жизни»);

II. Мое понимание тезиса Фридриха Ницше: «Музыку свели к функции опьяняющего средства».

Вариант № 2

I. Образ Сократа в произведениях Платона («Апология Сократа», «Федр», «Пир»);

II. Как я понимаю слова Эпикура: «Кто говорит, что заниматься философией еще рано или уже поздно, подобен тому, кто говорит, будто быть счастливым еще рано или уже поздно?»

Вариант № 3

I. Русский космизм (В. И. Вернадский «Размышления натуралиста», А. Л. Чижевский «Основное начало мироздания. Система космоса»);

II. Как я понимаю выражение Рене Декарта: «недостаточно иметь хороший ум (esprit), но главное – это хорошо его применять».

Самая великая душа способна как к величайшим порокам, так и к величайшим добродетелям...»?

Вариант № 4

I. Понятие добродетели и счастья в этике Аристотеля («Никомахова этика». I, II и X книги);

II. Мое понимание размышлений Бенедикта Спинозы о свободе: «Люди заблуждаются, считая себя свободными. Это мнение основывается только на том, что свои действия они сознают, причин же, которыми они определяются, не знают».

Вариант № 5

I. Проблема блага в эллинистической философии (Марк Аврелий «Наедине с собой», Сенека «Нравственные письма к Луцилию»);

II. Мой комментарий текста Михаила Бахтина: «Вживаясь в страдания другого, я переживаю их именно как его страдания, в категории другого, и моей реакцией на него является не крик боли, а слово утешения и действие помощи».

Вариант № 6

I. Проблема отчуждения в учении Карла Маркса (Карл Маркс «Экономическо-философские рукописи 1844 года»);

II. Моя интерпретация афоризма Демокрита: «Благоразумен тот, кто не печалится о том, чего не имеет, но радуется тому, что имеет».

Вариант № 7

I. Философия как терапия души (Боэций «Утешение философией»);

II. Как я понимаю слова Карла Маркса: «Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит»?

Вариант № 8

I. Идея науки и идеал ученого в философии Фрэнсиса Бэкона (Фрэнсис Бэкон «Новая Атлантида», «Великое восстановление наук», «Новый органон»);

II. Моя интерпретация афоризма средневекового мыслителя Тертуллиана: «Верую, ибо абсурдно».

Вариант № 9

I. Владимир Ильич Ленин – политик и философ (В. И. Ленин «Философские тетради», «Материализм и эмпириокритицизм»);

II. Как я понимаю тезис датского философа Серена Кьеркегора: «Нужно утратить себя, чтобы заново обрести»?

Вариант № 10

I. Соотношение долга и свободы в философии Иммануила Канта (И. Кант «Лекции по этике», «Основы метафизики нравственности»);

II. Мое понимание тезиса Энгельса: «Человек перестал быть рабом человека и стал рабом вещи».

Вариант № 11

I. Происхождение семьи и брака в работах Фридриха Энгельса (Ф. Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

II. Как я понимаю слова Аврелия Августина: «Несчастлива всякая душа, скованная любовью к тому, что смертно?»

Вариант № 12

I. Роль масс в современном обществе (Ортега-и-Гассет «Восстание масс»).

II. Моя интерпретация фразы Боэция: «ничтожно благо, потеря которого переносится с легким сердцем».

Вариант № 13

I. Концепция свободы Эрика Фромма (Э. Фромм «Бегство от свободы»).

II. Мое прочтение текста Людвиг Витгенштейна: «Работа в философии – как во многом и в архитектуре – это в значительной мере работа над самим собой. Над собственной точкой зрения. Над способом видения предметов».

Вариант № 14

I. Критический анализ теории анархизма (П. А. Кропоткин «Хлеб и воля», «Современная наука и анархия»);

II. Как я понимаю тезис Платона: «Ведь тем-то и скверно невежество, что человек и не прекрасный, и не совершенный, и не умный, а вполне доволен собою?»

Вариант № 15

I. Проблема воспитания в работах Ж. Ж. Руссо (Ж. Ж. Руссо «Эмиль, или о воспитании»).

II. Согласен ли я с мнением Василия Розанова: «Любовь – это совершенная отдача себя другому?»

Вариант № 16

I. Философия техники (Ж. Эллюль «Технологический блеф»; Л. Мэмфорд «Миф машины»);

II. Как я трактую слова Вячеслава Иванова: «Да, единственный залог, что мы бессмертны, – мы имеем в памяти. И в беспамятство никогда не должно нам впасть. Горе непомнящим!».

Вариант № 17

I. Философская антропология Эриха Фромма (Э. Фромм «Иметь или быть», «Искусство любить»).

II. Как я понимаю слова Аристотеля: «Наши недостатки – это продолжение наших достоинств»?

Вариант № 18

I. Анализ современного общества (Жан Бодрийяр «Общество потребления»);

II. Мое размышление над словами Э. Фромма: «Создание нового общества и нового Человека возможно только в том случае, если на смену старым мотивациям извлечения прибыли и завоевания власти придет новая, а именно – быть, отдавать и понимать...».

Вариант № 19

I. Философия музыки (А. Ф. Лосев «Основной вопрос философии музыки», «Исторический смысл эстетического мировоззрения Рихарда Вагнера», «Музыка как предмет логики»);

II. Согласен ли я с тезисом Альберта Швейцера: «Человек этичен лишь тогда, когда жизнь, как таковая, священна для него, будь то жизнь растений, животных или людей, и когда он с готовностью отдает себя любой жизни, которая нуждается в помощи»?

Вариант № 20

I. Концепция личности в философии экзистенциализма (Ж. П. Сартр «Экзистенциализм – это гуманизм»; А. Камю «Бунтующий человек»);

II. Как я понимаю мысль М. Бахтина: «Считаем нужным напомнить: жить из себя, исходить из себя в своих поступках вовсе не значит – еще жить и поступать для себя»?

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТИТУЛЬНОГО ЛИСТА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

Кафедра истории и философии

Контрольная работа по философии

Вариант № 1

Выполнил: студент I курса
заочной формы обучения
группа № 9634

Сидоров Алексей Романович

Проверил: к.ф.н., доцент Королькова Е. А.

Санкт-Петербург
2017

СПИСОК ЭКЗАМЕНАЦИОННЫХ ВОПРОСОВ

1. Специфика философского познания в сравнении с наукой, религией и искусством.
2. Предмет философии и структура философского знания.
3. Проблема первоначала в античной философии (милетская школа, Пифагор, Гераклит, элейская и атомистическая школы).
4. Деятельность софистов в Древней Греции.
5. Образ Сократа в произведениях Платона («Апология Сократа»).
6. Концепция идей как смыслообразующий центр философии Платона. Роль идеи блага.
7. Классификация наук Аристотеля. Метафизика как учение о первых причинах бытия.
8. Социально-политические взгляды Платона и Аристотеля.
9. Этическая проблематика в эллинистической философии (эпикуреизм и стоицизм).
10. Соотношение философии и религии в средневековье. Патристика и схоластика.
11. Эмпиризм и рационализм: ведущие гносеологические направления в философии Нового времени.
12. Эмпиризм Ф.Бэкона и сенсуализм Д.Локка.
13. Субъективный идеализм Дж.Беркли и Д.Юма.
14. Французский материализм XVII века.
15. Рационалистическая теория Декарта: система научного знания и учение о методе.
16. Проблема субстанции в философии Декарта и Спинозы.
17. Французский материализм XVIII века.
18. Теоретическая философия Канта. Учение об априорных принципах познания.
19. Практическая философия Канта. Категорический императив как высший моральный закон.
20. Система философского знания в абсолютном идеализме Гегеля.
21. Основные категории и законы диалектической логики (Гегель, Маркс).
22. Материалистическое понимание истории в марксизме.
23. Волюнтаризм Артура Шопенгауэра.
24. Философия имморализма Фридриха Ницше. Нигилизм, воля к власти, «переоценка ценностей».
25. Проблема личности в философии экзистенциализма.
26. Тема России в отечественной философской традиции (западники и славянофилы).

27. Современная концепция материи.
28. Философские концепции пространства и времени.
29. Теория познания: проблема истины и структура познавательного процесса.
30. Природа сознания и проблема идеального.
31. Философский анализ общества и законов исторического развития.

ПРАКТИКУМ

Контрольные вопросы для самостоятельной проверки

1. Раскройте этимологический смысл древнегреческого слова «философия».
2. Что изучает онтология?
3. Как называется раздел философии, посвященный проблеме познания?
4. Сформулируйте вопрос, согласно которому философов разделяют на материалистов и идеалистов.
5. Почему первый период античной философии получил название «натурфилософия»?
6. Кто является первым философом?
7. Кто из античных мыслителей рассматривал число как начало всех вещей?
8. Что является первым началом всего сущего в учении Демокрита?
9. Как называли себя первые учителя мудрости?
10. В чем состоит особенность сократического диалога?
11. Какие обвинения были выдвинуты против Сократа?
12. Каковы четыре причины, формирующие аристотелевскую концепцию причин бытия?
13. Как Аристотель определяет добродетель?
14. Перечислите три типа потребностей, согласно Эпикуру.
15. Что есть высшее благо в понимании стоиков?
16. Кто является первым средневековым мыслителем: Августин, Фома Аквинский, Филон Александрийский?
17. К какому периоду средневековой философии относятся Августин и Григорий Нисский?
18. Какое философское направление утверждает опыт в качестве основного источника знаний?
19. Кому принадлежит высказывание: «правильно называют истину дочьью времени, а не авторитета»?
20. Продолжите фразу Декарта: «Я мыслю, следовательно...».
21. Почему философия Декарта является дуализмом?
22. Перечислите четыре правила метода, составляющие методологическую основу декартовских размышлений.
23. Какие два периода выделяют в творчестве Канта?
24. В какой работе Кант исследует способность желания?
25. Сформулируйте категорический императив Канта.
26. Перечислите три закона диалектики Гегеля.
27. Какие три этапа проходит Абсолютная Идея в своем развитии?

28. Какое иррациональное начало утверждает Шопенгауэр в качестве первоосновы мира?

29. Выберите тезис, соответствующий учению Маркса: а) «Общественное бытие определяет общественное сознание»; б) «Общественное сознание определяет общественное бытие».

30. Что означает термин «нигилизм»?

31. Каковы критерии сильной личности, согласно Ницше?

32. Что лежит в основе нового порядка ценностей, созданного Ницше?

33. Раскройте смысл термина «экзистенция».

34. Как Вы понимаете следующий экзистенциал: «Существование предшествует сущности»?

35. Кто является автором работ «Или-или», «Болезнь к смерти», «Наслаждение и долг»?

36. Что включает в себя принцип всеединства, избранный Вл.Соловьевым в качестве смыслообразующего начала его философии?

37. Какие факторы дегуманизации Н. А.Бердяев усматривает в современном обществе?

38. Почему принцип сверхчеловека, согласно Бердяеву, ведет к моральной катастрофе?

ГЛОССАРИЙ

1. **Агностицизм** – учение о непознаваемой сущности мира.
2. **Антропология философская** – наука о сущности человека.
3. **Аксиология** – учение о ценностях.
4. **Апория** – неразрешимое противоречие.
5. **Априорный** – внеопытный или доопытный.
6. **Архе** – первоначало.
7. **Волюнтаризм** – учение, согласно которому воля является первоначалом мира.
8. **Гедоник** – человек, утверждающий первостепенную значимость чувственных удовольствий.
9. **Герменевтика** – искусство толкования текстов.
10. **Гносеология** – теория познания.
11. **Гуманизм** – принцип, утверждающий ценность и достоинство личности.
12. **Детерминизм** – учение о причинной обусловленности всего сущего.
13. **Диалектика** – учение о принципах и законах развития.
14. **Идеализм** – направление в философии, согласно которому духовное начало является первичным в отношении к материи.
15. **Категорический императив** – высший моральный закон в этике Канта.
16. **Максима** – субъективное правило поведения.
17. **Материя** – объективная реальность, существующая вне и независимо от сознания человека.
18. **Материализм** – направление в философии, полагающее материю в качестве первоначала всего сущего.
19. **Метафизика** – учение о первых причинах и первых началах бытия.
20. **Метафизический** – сверхчувственный.
21. **Натурфилософия** – философия природы.
22. **Онтология** – наука о сущности бытия.
23. **Патристика** – учение отцов церкви.
24. **Рационализм** – направление в философии, считающее разум ведущим источником познания.
25. **Скептицизм** – направление в философии, отрицающее универсальные критерии истины.
26. **Софизм** – умозаключение, основанное на сознательном нарушении законов логики.
27. **Схоластика** – завершающий период средневековой философии, направленный на систематизацию и рациональное обоснование вероучения.
28. **Теология** – учение о Боге.
29. **Фатализм** – вера в предопределенность судьбы.
30. **Эвдемонизм** – этическое направление, рассматривающее стремление к счастью в качестве ведущего смысла жизни.
31. **Эйдос** – идея.
32. **Экзистенция** – существование человека.

33. Эмпиризм – гносеологическое направление, утверждающее опыт в качестве основного источника познания.

34. Эстетика – учение о сущности прекрасного в природе и искусстве.

35. Этика – раздел философии, изучающий принципы доброй воли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Философия, согласно Платону, представляет собой восхождение в мир идей, подъем души к идее блага. Встреча с философией по истине преображает человека, если он готов услышать голос истины. Надеемся, что философский сонет поможет читателю впустить философское знание в глубины своей души.

Сократ у Горгия спросил:

«Скажи, мой друг, кто лучше жил:

Кто приучал себя к порядку

И избегал поступков гадких

Иль тот, кто, словно птичка-ржанка,

Не мог быть сыт ни спозаранку,

Ни вечером и ни в обед,

Чиня себе и людям вред?».

Коль вы пособие читали,

Ответ софиста вы узнали,

Но в жизни каждому решать,

Какой сценарий выбирать:

Таскать ли воду в решете

Иль дух направить к красоте.

Анна Королькова

ЛИТЕРАТУРА

1. *Коломийцев, С. Ю.* История философии науки: от XIX до начала XXI века: учеб. пособие / С. Ю. Коломийцев. – СПб.: ГУАП, 2016. – 194 с.
2. *Королькова, Е. А., Королькова, А. А.* Философия Нового времени: эмпиризм Бэкона и рационализм Декарта / Е. А. Королькова, А. А. Королькова. – СПб.: ГУАП, 2014. 36 с.
3. *Орлов, С. В.* Философия: курс лекций. Ч. I / С. В. Орлов. – СПб.: ГУАП, 2004. – 146 с.
4. *Орлов, С. В.* Философия: курс лекций. Ч. II / С. В. Орлов. – СПб.: ГУАП, 2004. – 156 с.
5. Философия: учебник / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2012. – 592 с.
6. Философия: учебник / под ред. В. Д. Губина и Т. Ю. Сидориной. – М.: Гардарики, 2005. – 828 с.
7. *Фокина, Н. И.* Современная западная философия (вторая половина XIX–XX в.: учеб. пособие / Н. И. Фокина; ред. В. И. Кириллов; Моск. гос. юрид. акад. – М.: Проспект, 2009. – 336 с.
8. Философия: хрестоматия. Ч. 1. Предмет философии в контексте мирового философского опыта / сост. Е. А. Королькова. – СПб.: ГУАП, 2009. – 84 с.
9. Философия: хрестоматия. Ч. 2. Материалы и задания для работы на семинарских занятиях / сост.: М. И. Соколова, И. А. Протопопов. – СПб.: ГУАП, 2010. – 160 с.
10. Философия: хрестоматия: в 3 ч. Ч. 3. Материалы и задания для работы на семинарских занятиях / сост. М. И. Соколова. – СПб.: ГУАП, 2015. – 204 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Тематический план курса «Философия»	5
Семинар № 1. Античная философия. Спор софистов и философов об истине	6
Семинар № 2. Немецкая классическая философия. Философия истории Гегеля	16
Семинар № 3. Марксизм. Материалистическое понимание истории...	28
Семинар № 4. Русская философия. Н. А. Бердяев о судьбе человека в современном мире	39
Инструкция по написанию контрольных работ	48
Образец оформления титульного листа.....	52
Список экзаменационных вопросов	53
Практикум	55
Глоссарий	57
Заключение	59
Литература	60

Учебное издание

Королькова Елена Антоновна
Королькова Анна Александровна

ФИЛОСОФИЯ
Учебно-методическое пособие

Публикуется в авторской редакции.
Компьютерная верстка *С. В. Мацапуры*

Сдано в набор 10.10.17. Подписано к печати 12.10.17.
Формат 60×84 1/16. Усл. печ. л. 3,6. Уч.-изд. л. 3,9.
Тираж 50 экз. Заказ № 000.

Редакционно-издательский центр ГУАП
190000, Санкт-Петербург, Б. Морская ул., 67